

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЮССИ АДЛЕР-ОЛЬСЕН

РОМАН

Расследует
отдел «Q»

18+

ЖЕРТВА 2117

В скандинавских детективах и авторах легко запутаться — их так много. Но имя Юсси Адлера-Ольсена нужно запомнить — в этом многолюдном жанре он стоит особняком.

GQ.com

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Юсси Адлер-Ольсен

Жертва 2117

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.113.4
ББК 84(4Дан)-44

Адлер-Ольсен Ю.

Жертва 2117 / Ю. Адлер-Ольсен — «Азбука-Аттикус»,
2019 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-18117-5

Более десяти лет Асад работал в отделе «Q» копенгагенской полиции, оставаясь для всех загадочной темной лошадкой. Каким образом очутился он в датской полиции? Что известно о его прошлой жизни? И что скрывается за его именем? Газетная фотография сирийских беженцев, пытавшихся переплыть Средиземное море в поисках лучшей доли, и трагическая смерть одной из несчастных, что попали в объектив испанского журналиста, пробуждают к жизни демонов прошлого, терзавших Асада в течение многих лет. И одновременно начинается обратный отсчет до катастрофы, которая должна произойти в самом сердце Европы. Подготовкой чудовищных преступлений занимается Галиб, смертельный враг Асада. И в заложниках у Галиба оказываются самые дорогие для Асада люди. Впервые на русском языке!

УДК 821.113.4
ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-389-18117-5

© Адлер-Ольсен Ю., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Благодарности	7
Пролог	9
1	10
2	13
3	18
4	21
5	23
6	31
7	34
8	40
9	44
10	50
11	52
12	59
13	64
14	67
15	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Юсси Адлер-Ольсен

Жертва 2117

Jussi Adler-Olsen

OFFER 2117

Copyright © Jussi Adler-Olsen, 2019

Published by agreement with JP/Politikens Hus A/S, Denmark & Banke, Goumen & Smirnova
Literary Agency, Sweden All rights reserved

© Б. С. Жаров, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Юсси Адлер-Ольсен – датский писатель, один из наиболее известных и популярных мастеров современного скандинавского детектива/триллера (наравне со Стигом Ларссоном и Ю Несбё), лауреат многих престижных литературных премий, автор международных бестселлеров, которые разошлись тиражом свыше 27 миллионов экземпляров и были переведены более чем на 40 языков.

Роман «Женщина в клетке», первая книга в знаменитой на весь мир серии об отделе «Q», увидел свет в 2011 году, был удостоен премии «Барри» в номинации «Лучший роман» и в 2013 году экранизирован. За роман «Тьма в бутылке» автор получил престижную премию «Стеклянный ключ». Успех имели и другие книги об отделе «Q». «Жертва 2117» вышла из печати в 2019 году и удостоилась датской книжной премии «Выбор читателей».

* * *

В скандинавских детективах и авторах легко запутаться – их так много. Но имя Юсси Адлера-Ольсена нужно запомнить – в этом многолюдном жанре он стоит особняком.

GQ.com

Кроме крепко закрученного сюжета, который наверняка оценят любители современного детектива, книги этой серии отличают исторический подтекст и глубинный смысл. Отдел «Q» придется по вкусу даже самым взыскательным читателям.

Library Journal

Если бы в Дании был только один автор криминальных романов, его имя можно было бы назвать безошибочно – Юсси Адлер-Ольсен.

Fyens Stiftstidende

Я ненавижу насилие и несправедливость. В каждом из своих романов я даю вариант такого насилия и показываю, как с этим можно бороться. Убежден, что мои читатели хотят не просто развлечься – хотя они, конечно, этого тоже хотят, – но также они хотят и чему-то научиться, о чем-то подумать... Одна из причин, по которой я решил писать криминальные

триллеры, заключается в том, что таким образом я могу затронуть любую тему. Зло – полезная штука, и когда вы описываете контраст между добром и злом, вы можете рассказать о многом.

Юсси Адлер-Ольсен

* * *

Посвящается Сандре

Благодарности

Спасибо моей жене и единомышленнику Ханне за невероятную дружескую поддержку и не в последнюю очередь за ценные комментарии. Огромное спасибо Хеннингу Куре, помогавшему мне на моем трудном пути, за его предложения и полезные комментарии. Спасибо Элизабет Алефельдт-Лаурвиг за предварительный подбор материала, пометы на полях и дотошность. Спасибо также Эльзебет Вэрэнс, Эдди Кирану, Ханне Петерсен, Мише Шмальстигу, Кесу Адлер-Ольсену, Йесперу Хельбо, Сигрид Энгелер, Пернилле Энгельберт Вайль, Кору де Фрису и Карло Андерсену за предварительную корректуру с полезными пометками и предложениями. Спасибо моему потрясающему редактору Лене Виссинг из издательства «Политикен» за способность мгновенно войти в новый мир с широко раскрытыми глазами и за невероятный профессионализм. Спасибо Лене Юль и Шарлотте Вайс из издательства «Политикен» за бесконечную веру в меня и терпение. Спасибо Хелле Сков Уочер за распространение информации о работе над романом. Спасибо Лене Бёрресен, которая следила, чтобы в книге не было ошибок. Большое спасибо всем остальным сотрудникам издательства «Политикен» за их неоценимую работу, которую они делают на высочайшем уровне. Спасибо комиссару полиции Лайфу Кристенсену за замечания, связанные с деятельностью полиции. Спасибо Кьелю С. Скьербеку за идеальное обеспечение нашего быта. Спасибо Руди Урбану Расмуссену и Софии Воллер за то, что жизнь вокруг нас всегда кипела. Спасибо Даниэлю Струеру за чертовски хорошую работу в сфере информационных технологий. Спасибо Бенни Тёгерсену и Лине Пиллора за массу толковых предложений по многим пунктам. Спасибо Олафу Слотт-Петерсену, создавшему новые, еще более удобные условия для написания книги в Барселоне. Спасибо ассистенту полиции, следователю Тому Кристенсену, сообщившему много полезных сведений о работе полиции. Спасибо Микаэлю Беренду Хансену, который свел меня с Фалахом Альсуфи, любезно разрешившим использовать его потрясающее стихотворение. Спасибо Бернду-Александр Штиглеру за видеоматериалы и фотографии из фотомузея в Мюнхене, и спасибо Петре Бюшер, помогавшей ему. Спасибо Йесперу Дайсу, который в буквальном смысле освещал нашу жизнь. Спасибо Ханне, Олафу Слотт-Хансену, глазной клинике в Офтальмологическом центре Барселоны и особенно моему главному врачу Перу Хааману, а также главному отделению Государственной больницы в Глострупте, спасшим мне левый глаз.

И в самом конце, но не в последнюю очередь: спасибо Анне Кристине Андерсен за наше замечательное сотрудничество на протяжении всех пятнадцати лет.

Пальцы утонувших

Жизнь
рук
тех кто утонул
длиннее
чем вся
наша история
очень далеко
и совсем близко
мы видим утонувших
видим их стремление
к жизни и миру

каждый день
мы смотрим на самые кончики
их пальцев
исчезающие в море
но наши глаза
не научились
видеть

их пальцы
поднимаются из воды
тянутся
к небу
они совсем не мокрые
пальцы утонувших
всегда сухие.

*Фалах Альсуфи, поэт,
беженец из Ирака*

Пролог

За неделю до того, как семья Асада покинула Саб-Абар, отец взял его с собой на субботний рынок. Чего там только не было: турецкий горох, гранаты, булгур, разнообразные пряности невероятных цветов; шум и гам вокруг перекрывали истошные крики домашней птицы, ожидавшей удара топора. Отец положил руки на тщедушные плечи Асада и посмотрел на него глубокими умными глазами.

– Послушай меня внимательно, сынок, – сказал он. – Вскоре тебе будет сниться то, что ты видишь сейчас, и пройдет много ночей, прежде чем в тебе погаснет всякая надежда услышать эти звуки и почувствовать эти запахи. Поэтому сейчас, пока можешь, хорошо смотри вокруг и сохрани все это в своем сердце, и это никогда не пропадет. Вот мой тебе совет, ты меня понимаешь?

Асад сжал руку отца и кивнул, делая вид, что понимает.

Но он так никогда этого и не понял.

1

Хоан

Хоан Айгуадэр не был человеком религиозным. Более того, он уезжал из города, когда на Пасху процессии католиков в черных одеяниях наводняли бульвар Рамбла, и даже коллекционировал фигурки римских пап за непристойными занятиями и волхвов с Востока, которые, присев, справляли нужду. Но, несмотря на богохульские наклонности, он на протяжении последних дней не раз осенял себя крестом, потому что Бог, как бы то ни было, существовал, и ему ужасно хотелось быть с ним в хороших отношениях, ибо к этому его призывали происходившие события.

Когда утренняя почта доставила ему долгожданный конверт, Хоан еще раз перекрестил, потому что содержание должно было определить его дальнейшую судьбу. Он это знал.

И вот теперь, через три часа после прочтения письма, он сидел здесь, в кафе в районе Барселонеты, изнемогая от жары, совершенно разбитый, при полном отсутствии интереса к жизни. На протяжении тридцати трех лет он существовал со смешной надеждой на то, что счастье когда-нибудь ему улыбнется, но сейчас сил ждать больше не оставалось. Восемь лет назад его отец набросил себе на шею электрический провод и повесился на водопроводной трубе в многоквартирном доме, за которым должен был присматривать. Это стало шоком для семьи. В одну секунду Хоан и его сестра, которая была на пять лет моложе, остались одни с матерью, которая так никогда и не оправилась от потери. Хоан сражался за всех, как только мог. В тот момент ему было двадцать четыре года, он из кожи вон лез, чтобы получить образование журналиста, подрабатывая на случайных, плохо оплачиваемых работах в попытках свести концы с концами. Но через год все окончательно рухнуло, когда мать приняла снотворное, а через несколько дней то же самое проделала сестра.

Только теперь, задним числом обдумывая произошедшее, Хоан понял, почему он сдался. Жизнь семьи Айгуадэр все время была безрадостной, тьма поглощала их всех. Теперь пришел его черед. Так что, если не считать несколько коротких периодов счастья и небольших побед, вся жизнь была проклятием; в течение последнего месяца с ним рассталась возлюбленная и он остался без работы.

Ну и черт с ним. Зачем мучиться дальше, если все и без того не имеет смысла?

Хоан сунул руку в карман и покосился на бармена за стойкой.

«Хотя бы закончить жизнь с остатками самоуважения и заплатить за свой кофе», – подумал он и посмотрел на гуцу на доньшке. Но карман был пуст, лопнувшие проекты всей его жизни замелькали у него перед глазами бесконечной вереницей. Трудно было не замечать неудач и того, что он все меньше чего-то ждал от жизни.

Хоан оказался на самом дне.

Два года назад, когда его охватила тяжелая депрессия по другому поводу, гадалка из Таррагоны предсказала ему, что в один прекрасный день в ближайшем будущем он окажется на пороге смерти, но внезапно вспыхнет яркий свет и он будет спасен. Она говорила очень убедительно, и до сегодняшнего дня Хоан цеплялся за предсказание, но где же он, этот чертов свет? Он не мог даже встать из-за столика кафе с чувством собственного достоинства. Не мог заплатить пару евро за свой кортадо. Даже грязные попрошайки, сидевшие на тротуаре с протянутой рукой у входа в универмаг «Эль Корте Инглес», могли наскрести денег на чашку эспрессо. Более того, даже те, кто спал прямо на плитках в рваной одежде вместе со своими собаками перед входом в банк, были в состоянии заплатить за кофе.

И хотя пронзительный взгляд гадалки стоял у него перед глазами и внушал надежду на будущее, он знал, что она чертовски ошиблась: пришел час расплаты, это решено и подписано.

Со вздохом он посмотрел на стопку конвертов, лежавших на столике кафе. Они были свидетельством того, как безоговорочно он загнал себя в угол. Конверты с прозрачным окошечком, в котором был виден адрес, остались дома. Он не обращал на них внимания, ведь никто не мог вышвырнуть его на улицу за то, что он многие месяцы не платил за квартиру, – таким было странное законодательство Каталонии. И зачем было оплачивать счет за газ, если после Рождества он ни разу не готовил себе дома? Но теперь перед ним было четыре других конверта, которые нанесли ему смертельный удар.

Общаясь со своей тогдашней возлюбленной, Хоан снова и снова каялся, обещал ей изменения к лучшему и стабильность, но доходов по-прежнему не было, и наконец ей надоело его содержать, и она его выгнала. Несколько недель он отгонял назойливых кредиторов уверениями, что, как только получит гонорар за четыре последних эссе, тут же расплатится со всеми. Разве не ясно, что он пишет гениальные тексты? Почему нельзя поверить, что именно так и будет?

А сейчас на столике лежали письма с отказами, причем не какими-нибудь туманными, неясными, осторожными или уклончивыми, а бесспорно четкими и безжалостными, как те удары, которые матадор наносит на арене «Терсио де Муэрто» прямо в сердце быка.

Хоан поднял чашку поближе к лицу, чтобы насладиться остатками кофейного аромата, и перевел взгляд на прибрежные пальмы, на пеструю толпу отдохавших на пляже. Прошло еще не очень много времени с тех пор, как Барселона была шокирована терактом на Рамбле, когда безумец в автомобиле врезался в толпу пешеходов, и с того произвола, который учинило правительство на избирательных участках во время плебисцита о независимости Каталонии. Но теперь казалось, что все уже позабыто: множество людей просто радовались жаркому дню. Беззаботные возгласы, разогретая кожа, чувственные взоры. На короткое время город предстал перед ним словно только что родившимся, полным веселья, а он сидел тут, безуспешно пытаясь разглядеть предсказанную гадалкой путеводную звезду.

Расстояние от кафе, где сидел Хоан, до берега моря, где резвились детишки, было заманчиво коротким. Меньше минуты потребовалось бы ему, чтобы пробежать мимо загорающих и кинуться в воду, погрузиться в барашки волн и сделать несколько быстрых последних вдохов. При лихорадочной жизни, протекавшей на пляже, никто не обратил бы внимания на сумасшедшего парня, который в одежде бросился в море. И менее чем через сотню секунд после этого он навсегда расстался бы с жизнью.

Хотя сердце Хоана громко стучало, он вдруг с горечью рассмеялся. Люди, знавшие его, будут в полной растерянности. Чтобы Хоан, эдакая тряпка, был в состоянии покончить жизнь самоубийством? Этот серый бесхребетный журналист, который не мог проявить никаких признаков мужского достоинства и ярко выступить хоть по какому-нибудь спорному вопросу?

Хоан взвесил в руке конверты. Это всего лишь несколько сот граммов дополнительного унижения, добавленного ко всему прочему дерьму, зачем же распускать сопли, он ведь принял решение? Через секунду он объявит бармену, что заплатить не сможет, побежит к берегу, полностью игнорируя протесты за спиной, и осуществит свое намерение.

Хоан напряг мышцы на ногах и уже приготовился, как вдруг двое посетителей в купальных костюмах вскочили так внезапно, что опрокинули барные стулья.

Хоан обернулся. Один пристально смотрел на телеэкран, висевший высоко на стене, а другой, стоя, скользил взглядом по прибрежной панораме.

– Прибавь звук! – крикнул стоявший у телеэкрана.

– Эй, смотри! Да, они здесь, черт возьми, они стоят на берегу, – крикнул другой и показал на собиравшуюся толпу.

Хоан проследил за его взглядом и увидел команду телевизионщиков, которые выстроились перед трехметровой стеной, сооруженной муниципальными властями несколько лет назад. Ее нижняя часть была металлической, наверху – дисплей, на котором светились четыре цифры. Хоану давно был знаком этот текст о количестве неудачливых беженцев, погибших в Средиземном море с начала года.

Отдыхающие в шортах и купальных костюмах, словно притянутые магнитом, обступили кольцо телевизионщиков. Несколько местных юношей выбежали из ресторана и присоединились к толпе, – вероятно, они увидели по телевизору, что на берегу что-то происходит.

Хоан посмотрел на бармена, который машинально вытирал стакан, но все его внимание было поглощено происходящим на телеэкране, который пересекла надпись: «Экстренное сообщение». Хоан поднялся со стула и тихонько отправился в сторону набережной.

Он еще жив – и, как бы то ни было, остается журналистом.

А в аду его придется подождать.

2

Хоан

Не обращая внимания на любителей бега трусцой, скейтбордистов и столпотворение вокруг, телеведущая стояла перед высокой стеной. Было видно, что она осознавала важность происходящего и своей роли в нем. Журналистка встряхнула волосами, облизала губы и поднесла к ним микрофон. Мужчины и выбежавшие молодые люди стояли, восхищенно уставившись на ее грудь. Она привлекала их больше, чем важные новости.

– Мы не знаем точно, сколько человек утонуло при попытке бегства в Европу, которая для этих несчастных была символом рая и свободы, – сказала она. – Но в последние годы таких были многие тысячи, и только за этот год в море утонуло более двух тысяч человек.

Она обернулась к экрану и указала на светящиеся цифры.

– Вот число погибших в Средиземном море с начала года. В прошлом году этот показатель был еще выше, и на следующий год ситуация вряд ли улучшится. Горько, что, несмотря на эти ужасные цифры, весь мир – вы и я – старается не думать об этом, пока погибшие остаются для нас просто статистикой.

Она бросила в камеру драматичный взгляд своих подведенных тушью глаз.

– А что в это время делает весь мир и мы с вами? Мы их игнорируем. В знак протеста в последующих репортажах на нашем канале «ТВ 11» мы расскажем о судьбе одного конкретного человека, того мужчины, тело которого недавно вынесло на берег на Кипре.

Она взглянула на свои сверкнувшие на солнце наручные часы.

– Меньше часа назад этого бедолагу вынесло морским прибоем прямо к ногам отдыхающих, беззаботно радующихся чудесной погоде. Таких же, каких много сейчас и здесь, на пляже Сант-Микель.

Она сделала широкий жест в сторону загорающих, чтобы было понятно, кого она имеет в виду.

– Дорогие телезрители, молодой человек, о котором я говорю, был первым, чье тело выбросило на берег на популярном кипрском пляже Айя-Напы сегодня утром, и число погибших у нас на дисплее выросло до двух тысяч восьмидесяти.

Она сделала выразительную паузу и посмотрела на большое светящееся число.

– Когда это число снова увеличится – лишь вопрос времени. Но первой жертвой сегодня утром был этот смуглый, похожий на ребенка парень в футболке «Адидас» и поношенной обуви. Почему он погиб в Средиземном море? Если мы посмотрим на умиротворяющие лазурные волны здесь, в Барселоне, сможем ли представить себе, как прямо сейчас это самое море в какой-то тысяче километров отсюда сокрушает мечты о лучшей жизни у тысяч людей?

Она сделала паузу, когда на экране появились кадры с Кипра. Отдыхающие на пляже могли видеть это на мониторе, стоявшем рядом с телеоператором. Гул толпы мгновенно прекратился. Это были жуткие кадры: тело молодого мужчины лежало на животе под ударами волн, пока два санитара не вытянули его на сушу и не перевернули. Затем на мониторе опять появилась телеведущая из Барселоны. Она стояла рядом с камерой и готовилась завершить репортаж.

– Через несколько часов мы будем знать об этом человеке больше. О том, кто он, откуда, какая у него история. Мы вернемся после рекламы. А тем временем число на экране вырастет.

Она показала на монитор за своей спиной и продолжала серьезно смотреть прямо в объектив, пока оператор не сказал ей:

– Спасибо!

Хоан быстро огляделся и улыбнулся. Это могло бы стать его прорывом! Неужели среди сотен людей вокруг не было ни одного представителя прессы, кроме команды телевизионщиков и его самого? Неужели судьба наконец подарила ему возможность оказаться в нужном месте? Неужели он на самом деле был участником великой истории?

Еще никогда Хоан не испытывал такой радости.

Ну кто же упустит такую возможность?

Хоан посмотрел на светящийся дисплей.

Только что количество погибших в море было две тысячи восемьдесят, а сейчас уже две тысячи восемьдесят один. И так же как застыли юноши, уставившись на груди телеведущей, когда она закуривала и перебрасывалась словами с оператором, замер и Хоан.

Каких-то десять минут назад он принял окончательное и бесповоротное решение увеличить собой число утонувших в Средиземном море, а теперь взгляд его был прикован к светящимся цифрам. Их призыв был столь зовущим и реальным, что голова закружилась и подступила тошнота. Только что он, как ребенок, думал лишь о себе и его переполняли чувства жалости и безнадежности, а в это время люди боролись за жизнь в открытом море. Боролись! Это слово больно ударило его, и внезапно он понял, свидетелем чего стал, во что был вовлечен. Хоан чуть не заплакал от облегчения. Он был в двух шагах от смерти, и вдруг появился свет, который спас его, – в точности как предсказала гадалка. Свет, который давал ему желание и стимул жить. Свет от экрана перед ним рассказывал о несчастьях других и начинал до сих пор не написанную невероятную историю. Все это он понял сейчас.

И как было предсказано гадалкой, его вытянули из объятий смерти в самый последний момент.

Следующие часы Хоан прожил как в лихорадке, потому что в его мозгу созрел план, который должен был спасти его карьеру и тем самым создать основу его дальнейшего существования.

Поэтому он изучил расписание авиарейсов на Кипр и обнаружил, что на самолете с вылетом в 16:46 успеет прибыть в Афины вовремя, чтобы пересесть на рейс до Ларнаки и оказаться на пляже Айя-Напы примерно в полночь.

Он долго смотрел на стоимость билетов. Почти пятьсот евро в один конец, и такой суммы у него не было. Ему понадобилось полчаса, чтобы принять непростое решение: Хоан проник в зеленую лавку своей бывшей возлюбленной. Открыл дверь с черного хода ключом, который она на протяжении нескольких недель пыталась у него выцыганить обратно, и прошел прямо к маленькому ящичку с деньгами, спрятанному под прилавком и замаскированному несколькими корзинами с зеленью.

Через двадцать минут она вернется с сестры и прочитает долговое обязательство, которое он положил на прилавок. А по прошествии еще двадцати минут он будет уже в аэропорту с почти тысячью шестистами евро в кармане.

Крики с пляжа Айя-Напы на Кипре прорывались через поток света, лившегося из многочисленных прожекторов на кучку собравшихся людей и черные гребни волн. Прямо на песке в нескольких метрах от спасателей в униформе лежал ряд тел, лица их были прикрыты серыми шерстяными одеялами. Это было ужасное, но, с точки зрения журналиста, увлекательное зрелище.

В пятнадцати метрах выше на берегу стояла строго охраняемая полицейскими группа из двадцати-тридцати испуганных людей, подавленных, истощенных, дрожавших от холода, хотя им дали такие же одеяла, как те, что закрывали лица утонувших. Были слышны негромкие, безутешные рыдания.

– Там стоят те, кому повезло, – сказал кто-то в ответ на вопросительный взгляд Хоана. – Они были в спасательных жилетах и держались вместе, словно стая рыб. Их подобрали в море довольно далеко от берега всего с полчаса назад.

Хоан кивнул и осторожно приблизился к телам. Полицейские хотели было его прогнать, но, когда он показал им свою пресс-карту, переключились на группу назойливых туристов и купальщиков, которые пытались запечатлеть происходящее на свои смартфоны.

«Бессердечные люди», – подумал Хоан, вынимая фотоаппарат.

Он не понимал по-гречески, но язык жестов спасателей было легко расшифровать. Они размахивали руками и показывали на лениво ползущие гребни волн, а один направил свет прожектора на что-то среди морских валов.

Когда тело находилось на расстоянии двадцати метров от берега, один из спасателей вошел в воду и подтянул его, словно это была куча тряпья. А когда труп вытаскивали на сушу, некоторые из оставшихся в живых беженцев громко заплакали.

Хоан повернулся к группе. Жалобные крики исходили от двух женщин, которые, склонившись, закрывая руками лицо, изо всех сил пытались понять, что происходит у них на глазах. Зрелище было ужасное. Мужчина с черной развевающейся бородой грубо попытался заставить их замолчать, но это не остановило рыданий, которые, напротив, стали громче, когда молодой лысый человек в синей форменной куртке выскочил из толпы и в упор сфотографировал тело. Вид у него был весьма официальный, видимо, он должен был задокументировать каждое выплывшее тело, поэтому Хоан сфотографировал его и на всякий случай кивнул, словно у него тоже было особое разрешение присутствовать здесь. К счастью, других газетных фотографов не было.

Потом он обернулся и сделал серию снимков плачущих женщин из группы спасенных, потому что в репортаже всегда выигрышно бросить скорбь прямо в лицо читателю, хотя его цель была совершенно другая. Он хотел того же самого, что и телеканал в Барселоне. Исследовать факты, шокировать и пробуждать эмоции.

Дело в том, что этот утопленник, как бы ужасно это ни звучало, был его собственностью, личным трофеем. Хоан захотел попробовать «оживить» мертвеца, причем не только в глазах скромного круга каталонских читателей. История должна была прогреметь на весь мир, как это случилось с трехлетним сирийским мальчиком-курдом, который утонул и попал на первые страницы газет по всему миру несколько лет назад. Хоан решил выяснить историю одного человека. Этот рассказ должен сделать его богатым и знаменитым. В этом и состоял план.

На мгновение Хоан задумался. Теперь крики на заднем плане были реальными, а не фоном из телевизионного репортажа в Барселоне с пляжа Айя-Напы. Здесь все было по-настоящему. Почему же он чувствовал угрызения совести? Разве он не пытался сделать что-то очень важное?

Фотоаппарат в руках вдруг стал тяжелее. «Тут что-то не так», – подумалось ему. Он просто украл концепт канала «ТВ 11»? Чем отличалось его расследование, хоть он и находился на месте событий? Это же чистый плагиат, почему не признаться в этом самому себе?

Хоан отбросил мысль о плагиате. Ну и что? Если сделать все профессионально, кто сможет его обвинить?

Надо отснять, как тело поднимают из воды, а потом подойти к тем двум плачущим женщинам. Узнать, кем они приходились погибшему, кто он, почему пустился в бегство. Почему он погиб, а они нет? Каким человеком он был? Были ли у него дети?

Хоан подошел к телу и приготовился фотографировать. Лицо утопленника было обращено к волнам. Мужчина был одет во что-то непонятное, ткань закрутилась вокруг тела. Похоже, какой-то национальный костюм. Один из спасателей оттащил труп от пульсирующей полосы прибоя.

Хоан был совсем рядом, когда тело подвинули. При этом голова повернулась, и Хоан увидел, что утопленник – вовсе не мужчина, а пожилая женщина.

Хоан зажмурился. Никогда раньше смерть не производила на него такого впечатления. Он видел жертвы автомобильных аварий, кровь на асфальте в мигании синих маячков «скорых», которые приехали на помощь слишком поздно. За свою короткую службу судебным репортером Хоан не раз посещал городские морги. Но судьба этой беззащитной женщины тронула его гораздо сильнее. Каким долгим и полным ожиданий был ее путь и как ужасен конец. Из этого материала можно сделать поистине ошеломляющую историю.

Он глубоко вдохнул влажный морской воздух и задержал дыхание, глядя на ночное черное море. Несомненно, ему повезло, что умершим оказался не мужчина, не молодая женщина или ребенок. Интуитивно он понял, что такая история будет лучше продаваться. Долгая жизнь и ужасная смерть. Бессмысленность и гротеск несчастной судьбы.

Через мгновение Хоан уже направил объектив на покойную и нажал на кнопку спуска затвора, а через несколько секунд включил режим видеозаписи и принялся подробно снимать тело. Но тут его остановили спасатели.

Несмотря на страдания во время плавания и скорбный путь тела в соленой воде, можно было заключить, что женщина происходила из зажиточной семьи. Это тоже предвещало истории финансовый успех и спрос на фотографии. Сколько раз уже публике приходилось видеть людей, влачивших жалкое существование в невероятно тяжелых условиях и одетых в тряпье, несущее отпечаток трудностей долгого пути? Эта женщина, напротив, была со вкусом одета, помада на губах сохранила свой розовый цвет, на веках еще остались тени. Когда-то она была красавицей. Лет семьдесят, босая. Разорванная меховая куртка поначалу сбивала Хоана с толку. В то же время нельзя было не заметить глубоких морщин, прорезавших лицо и, несомненно, свидетельствовавших о страданиях, которые заставили ее ухватиться за этот отчаянный шанс. Ее лицо тем не менее было исполнено достоинства.

– Вам известно, откуда прибыли эти люди? – спросил Хоан по-английски у какого-то начальника в штатском, который встал на колени у тела.

– Думаю, из Сирии, в последние дни оттуда идет поток беженцев, – ответил тот.

Хоан повернулся к группе выживших. Смуглые, чуть более смуглые, чем греки, так что предположение о Сирии было вполне разумным.

Он посмотрел на выложенные в ряд тела на песке и пересчитал их. Тридцать семь. Мужчины, женщины, кажется, один ребенок. Хоан подумал о мониторе на пляже в Барселоне на другом берегу Средиземного моря, где сегодня ночью появилось число 2117. Сколько бессмысленно потерянных человеческих жизней.

Затем он вынул блокнот и записал дату и время, чтобы проникнуться ощущением, что он уже приступил к осуществлению плана, который отодвинет его от края пропасти и даст ему твердую точку опоры. Это будет статья о ни в чем не повинной жертве. Не о взрослом человеке в расцвете сил или беззащитном ребенке, а о старой женщине, которая погибла в море секунду назад. О человеке, который, как и две тысячи шестнадцать других жертв, не смог живым переплыть Средиземное море в этом году.

Он озаглавил статью «Жертва 2117» и бросил взгляд на группу выживших людей. У них по-прежнему были измученные лица. Они дрожали и прижимались друг к другу, но две женщины, которые кричали, и мужчина с большой бородой исчезли. На их месте стоял мужчина в синей форменной куртке, который раньше фотографировал рядом с Хоаном.

Хоан сунул блокнот в карман и хотел сделать несколько фото лица женщины крупным планом, когда встретил осмысленный взгляд ее глаз.

«За что?» – спрашивал взгляд.

Хоан отскочил. В его мире над эзотерическими явлениями только смеялись, но теперь он задрожал всем телом. Можно было подумать, что женщина захотела вступить в контакт с ним. Донести до него мысль, что он ничего не понимает и что что-то не так.

Хоан не мог отвести взгляда, все новые вопросы возникали в этих красивых живых глазах.

«Кто я, Хоан?»

«Откуда я?»

«Как меня зовут?»

Хоан встал перед ней на колени.

– Я обязательно это узнаю, – сказал он и закрыл ей глаза. – Я обещаю.

3

Хоан

– Нет, ты не имеешь права требовать возмещения транспортных расходов, если ты внештатный и если это прямо не записано в трудовом договоре, сколько раз нам надо тебе объяснять, Хоан?

– Да, но у меня с собой все квитанции. Я сделал полный финансовый отчет, смотри!

Он перекинул подшитые авиабилеты до Кипра и приложения с документами обо всех прочих расходах через стойку и улыбнулся самой чарующей из всех своих улыбок. Хоан прекрасно знал полномочия секретаря редакции Марты Торры, она не имела права отказать ему, особенно сейчас.

– Ты что, не видела мою статью на первой полосе, Марта? Это ведь не какой-то там комментарий в приложении к газете, это, ясное дело, самый главный материал «Орэс дель диас» и самое лучшее из всего того, что я когда бы то ни было написал. Я точно знаю, что бухгалтерия одобрит трату тысячи шестисот евро. Плати, Марта, у меня нет собственных средств для оплаты такой поездки. Я взял деньги взаймы у своей бывшей.

Хоан умолял, и это не было притворством. Его бывшая возлюбленная стукнула его по башке и сказала, что заявит в полицию. Обозвала его вором и заплакала, потому что знала, что она никогда не получит обратно свои тысячу шестисот евро. Потом она протянула руку и приказала вернуть ключ от ее лавки и тем самым стала не просто бывшей, а бывшей-пребывшей.

– Бухгалтерия должна одобрить это, говоришь. Ну-ну! Я и есть бухгалтерия, Хоан, – фыркнула Марта. – А твоя бывшая, видимо, большая идиотка, если думает, что ты когда угодно можешь прийти сюда и получить в кассе любую сумму.

Хоан взял себя в руки. Марта повернулась и пошла к письменному столу. Кнопка на юбке, которая не давала молнии разбежаться, отсутствовала, и замочек уже начал сползать вниз. Все в бухгалтерии были такими же. Заметно превышавшими средний вес и явно занятыми мыслями о следующей сиесте и очередной порции калорий. Мучительно наблюдать это, когда сам сидишь на хлебе и воде.

– Да, но верни мне хотя бы деньги за самолет, Марта, газета может вычесть из гонорара.

– Пожалуйся своей редакторше, посмотрим, поможет ли это, – сказала она равнодушно. И даже не обернулась.

Наверху, в редакции, он ожидал как минимум аплодисментов. Как знак признания того, что «Орэс дель диас» благодаря его вчерашнему репортажу оказалась в фаворе, ведь газеты всего мира цитировали Хоана. Международные СМИ даже воспроизвели его фотографии. Утонувшая пожилая женщина в меховой куртке в свете прожекторов, множество тел на пляже, кричавшие беженки... Понятно, что «Орэс дель диас» должна была порядком заработать на этом.

Но если не считать журналиста-международника средних лет, который заметно покачал головой, когда Хоан проходил мимо штатных сотрудников, никто не отреагировал. Ни малейшего кивка или улыбки. Черт побери, в кинофильмах коллеги всегда вставали и аплодировали, когда происходило что-то подобное. В чем же дело?

– У меня только пять минут, так что излагай кратко, Хоан. – Редакторша прикрыла дверь кабинета и, похоже, забыла предложить ему сесть, но он все-таки сел. – Марта из бухгалтерии позвонила мне и сказала, что ты хочешь компенсации расходов на дорогу. – Она мрачно посмотрел на него поверх очков. – Забудь об этом, Хоан. За статью об Айя-Напе ты получишь

тысячу сто евро, которые я по глупости обещала, когда ты ее принес, будь рад и этому. Сверх этого не будет ни цента.

Хоан ничего не понимал. Он предполагал, что история об утонувшей женщине даст ему повышение ставки и перспективу стать штатным сотрудником. Но почему редакторша Монтсе Виго, заведовавшая внештатными журналистами, сейчас стояла рядом и в упор смотрела на него так, словно он ее оплевал?

– Ты сделал нас посмешищем, Хоан.

Хоан наклонил голову. Что она хочет этим сказать?

– Лучше я тебе расскажу, как все было с жертвой номер 2117 на самом деле. Да, вчера история показалась мне хорошей, но сегодня утром по меньшей мере в пятидесяти газетах по всему миру можно было прочитать другое. Я уж не говорю, что в Барселоне все газеты, кроме нашей, написали одно и то же. И суть в том, что ты плохо делаешь свою работу, Хоан, даже отдаленно не так хорошо, как твои коллеги. Тебе надо было получше разобраться, ведь ты был в самой гуще событий.

Она швырнула на стол перед ним несколько свежих испанских газет, и заголовок ближайшей заставил его судорожно глотнуть воздух.

«Жертва номер 2117 была убита!»

Редакторша указала на строку ниже. «Сведения „Орэс дель диас“ о жертве 2117 неверны. Женщина не утонула, она была убита, причем жестоко убита», – гласил подзаголовок.

– Ты понимаешь, что вся ответственность за непроверенную информацию падает на меня, – сказала она и передвинула унижительную пачку газет на дальний край стола. – Это, конечно, моя ошибка. Мне надо было предвидеть такую возможность после прочтения последних пустопорожних эссе, которые ты пытался нам всучить.

– Я не понимаю... – начал он. И это была правда. – Я видел, как волны вынесли ее на берег. Я там был в этот момент. Ты же видела мои фотографии.

– Тебе надо было подождать, пока они перевернут труп. Ей в шею воткнули какую-то штукювину вот такой длины. – Она показала руками между третьим и четвертым позвонками. – Мгновенная смерть. Слава богу, не только мы сели в лужу. Канал «ТВ 11» тоже был вынужден опровергнуть свою благостную историю про молодого мужчину, которого первым вынесло в тот день на берег Айя-Напы. Он оказался руководителем группы террористов. Недавно сбрил бороду. Настоящий дьявол.

Хоан был потрясен. Убита? Именно это рассказали ему ее глаза? Ему следовало... Ему следовало увидеть это?

Хоан повернулся к редакторше. Ему хотелось рассказать о своем состоянии в тот момент. Объяснить, почему он не выполнил задание лучше. Он почувствовал сострадание. И ему было известно, что журналистам это запрещено.

В дверь постучали, вошла Марта из бухгалтерии. Положила два конверта на стол Монтсе Виго и, не удостоив Хоана взглядом, выплыла из комнаты.

Редакторша протянула один из конвертов Хоану:

– Это твои деньги, тысяча сто, хотя ты их не заслужил.

Хоан молча взял конверт: вот, значит, как. В обязанности Монтсе Виго входило определять выплаты, что ж тут поделаешь? Ничего! Он вздрогнул и повернулся, чтобы убраться отсюда. Вопрос только в том, насколько этот конверт продлит его жизнь. Он почувствовал, что покрывается потом.

– Куда же ты? – прозвучал голос сзади. – Не думай, что ты отделался так легко.

Мгновение спустя он стоял на улице. По проспекту Диагональ в центр города направлялась очередная демонстрация, звучали свистки, лозунги, призывы и раздраженные сигналы

водителей автомобилей. Единственное, чем была занята сейчас его голова, – это слова, сказанные редакторшей:

– Вот пять тысяч евро. У тебя есть ровно две недели на то, чтобы разобраться в этой истории, и ты будешь делать все один, понятно? Кроме тебя, желающих не нашлось. Найди выживших, тех, кто может рассказать, кем была эта женщина, что с ней случилось, понятно? Из своих интервью с теми, кто выжил, ты знаешь, что она была с двумя женщинами, молодой и постарше, и что мужчина с бородой разговаривал с ними во время плавания до момента, когда резиновая лодка затонула. Найди их, у тебя есть фотографии. Будешь ежедневно передо мной отчитываться: что ты делаешь, где ты. А мы в редакции постараемся придать этой истории накал. Пяти тысяч евро должно хватить на все, понятно? Мне абсолютно безразлично, кого ты будешь подкупать и где жить. Не хватит денег на ночлег – спи на улице, не будет на еду – голодай. Пока не выполнишь задание – не возвращайся. Хорошо понял? Это тебе не мадридская «Паис».

Он кивнул и взвесил в руке конверт. Что ему еще оставалось, кроме как согласиться?

Ответом были пять тысяч евро.

4

Александр

За несколько последних месяцев его пальцы обрели такую гибкость, что казалось, он воедино слился геймпадом. В лучшие часы суток компьютер и игра «Кил Сэблайм» стали его единственной реальностью, а расстояние между ним, солдатами и теми, кого они убивали на дисплее, было одновременно бесконечно большим и ничтожно малым.

Александр отдался этой игре и телом и душой. Для этого было несколько причин. Когда его одноклассники по гимназии побросали студенческие фуражки в шкафы и постарались забыть о своих страданиях на экзаменах, отправившись в так называемые образовательные путешествия по дальним странам вроде Вьетнама, Новой Зеландии и Австралии, Александр погрузился в самые мрачные глубины своего презрения к внешнему миру. Как эти идиоты могут болтаться по земному шару и делать вид, что ничего не происходит, полностью игнорируя тот факт, что люди подобны мерзким крысам, которые только и пытаются одолеть и сожрать друг друга? Вот он этого не мог, даже если бы захотел; он ненавидел всех людей. Если кто-то из них приближался к нему, он беспощадно высмеивал их самые худшие стороны и качества, отчего сам стал любимым объектом издевательств и лишился друзей.

Поэтому Александр выбрал иной путь. Он захотел жить в виртуальном мире и не покидать своей комнаты, чтобы исключить риск встретиться с другими людьми. А когда он наконец примет решение выйти, это станет последним днем его жизни.

Все будет именно так.

Из-за двери его комнаты доносились разнообразные звуки. С четырех часов дня до полуночи и на следующее утро от четверти седьмого до без четверти восемь он слушал, как родители передвигались по дому. Когда они наконец хлопали дверью, уходя на работу, и наступала тишина, он отпирал дверь и осторожно выходил из своей комнаты. Александр выливал содержимое своего ночного горшка в унитаз, делал себе бутерброды на весь день, заготавливал несколько термосов кофе и пробирался обратно, запирался и укладывался спать до часа дня. Потом двенадцать часов были посвящены игровой приставке и игре «Кил Сэблайм». Пару часов он спал, чтобы немного отдохнули глаза, после чего еще час или два проводил перед монитором.

Так проходили дни и ночи. Стрелять, стрелять, стрелять; количество убитых все время росло; окончательная победа, когда он уничтожит всех врагов в игре, становилась ближе с каждым днем.

К выходным дням Александр готовился особенно тщательно. Каждую пятницу утром он делал большой запас овсяных хлопьев, молока, масла и хлеба. За последние недели Александр свыкся даже с резкой вонью от горшка, который можно будет опустошить только в понедельник. Рутинная будничная жизнь нарушалась проклятыми выходными, потому что голоса родителей слышались почти все время. Их все более громкие скандалы его не беспокоили, напротив, радовали, но, когда вдруг становилось тихо, он внимательно прислушивался. Потому что тогда они вставали около его двери и начинали угрожать, что взломают дверь и отправят его в больницу. Что отключат интернет. Но это не беспокоило его, потому что интернет был нужен им самим. Кроме того, они знали, что он как хакер сможет подключиться к соседской беспроводной сети, если дело пойдет так далеко. А еще они угрожали, что не будут снимать со счета деньги, которые завещала ему бабушка, и перестанут покупать для него еду. И вдобавок вызовут к нему психолога, социального наставника, семейного консультанта. Обещали даже пригласить его старого школьного учителя.

Но Александр прекрасно все понимал. Он знал характер своих родителей. Им самим не понравится, если другие люди пронюхают, что происходит в их очаровательном желтом домике в одном из пригородов Копенгагена. Когда они, стоя у двери, хвастались своими талантами и пытались вернуть семью в рамки мещанской иллюзии о нормальной жизни, он плевал на пол или хохотал так, что они замолкали.

Ему было абсолютно по барабану, что они при этом чувствовали. Получили что хотели. Всхлипывания матери под дверью должны вызвать у него прилив нежности? Что, черт возьми, она себе воображает? Он сломается из-за этого? Как будто со слезами из нее выйдет все дерьмо и исчезнут отвратительные черты характера? А он забудет, как мало она и эта смехотворная пародия на отца думают об остальном мире?

Он ненавидел их. И когда настанет день ему выйти из комнаты, они бесконечно пожалеют, что хотели, чтобы он открыл свою дверь.

В двадцатый раз за день он дрожал от возбуждения, глядя на монитор с застывшим пейзажем и сценами насилия. Затем посмотрел на первую полосу газеты, которая уже несколько дней висела у него на стене. Там был окончательный ответ, как ему отреагировать на безразличие и цинизм, которые проявляли его родители и все им подобные. Потому что именно они несли ответственность за все в мире, были причиной жертв, подобных женщине на этой фотографии.

Родители ушли на работу, равнодушно оставив газету в прихожей, словно события в мире их не касались. Заголовок потряс Александра. Заметное сходство женщины с бабушкой затронуло в нем болезненную струну, и всплыли мучительные воспоминания о нежности и заботе, с которыми она относилась к нему.

Когда он прочитал в газете о судьбе женщины, одной из многих тысяч, в нем вспыхнула бешеная ярость: он чувствовал, как она нарастает на протяжении последних месяцев. Теперь настало время действий.

Александр долго смотрел на фотографию. Несмотря на то что в глазах женщины читалась смерть, а сама она была из мира, во всех смыслах очень далекого от мира Александра, он захотел принести себя в жертву в память о ней. Его обращение к миру будет убийственным и ясным. За каждое насилие над человеком последует жестокая месть.

С самого начала он хотел поставить полицию в известность о своих действиях. Когда произойдет взрыв, газеты выйдут с громкими заголовками.

Он сжал губы и кивнул. На данный момент он прошел тысячу девятьсот девяносто раундов, убив более двадцати тысяч противников. Теперь ему нужно двигаться дальше, и, даже если придется сидеть двадцать четыре часа в сутки, он достигнет своей цели в две тысячи сто раундов. И все это в знак солидарности с этой безымянной жертвой на стене под номером 2117.

А когда он наконец достигнет этого невероятного количества побед, то покинет свою комнату и отомстит за старую женщину и все ужасы, которым подвергался сам. И не понять его будет невозможно.

Александр взглянул на другую стену, где он повесил самурайский меч, который получил в наследство от своего дедушки и наточил, когда играл в «Онимуша» на «Плейстейшен-2».

Вскоре ему представится возможность пустить меч в ход.

5 Карл

Был один из тех парадоксальных дождливых дней, когда Карлу казалось, что в тусклом свете, проникающем через жалюзи, обнаженное тело Моны и стены полыхают яркими красками. И в то утро он тоже ласкал взглядом ямочки, которые образовались между жилками на ее шее. В эту ночь она спала плохо, как всегда, когда он бывал у нее. Первые месяцы после смерти ее младшей дочери Саманты она все время плакала, просила побыть с ней и как-то лихорадочно ощупывала его, когда он лежал рядом. Даже когда они занимались любовью, она плакала, иногда всю ночь.

Конечно, это время истрепало им нервы, и если бы она не думала о нем, Карле, и о Людвиге, четырнадцатилетнем сыне Саманты, то жить дальше ей было бы еще тяжелее. В любом случае то, что жизнь более или менее наладилась, не было заслугой Матильды, старшей дочери Моны. С ней Мона почти никогда не разговаривала.

Карл потянулся к своим наручным часам. Пора было звонить Мортену, чтобы удостовериться, что тот сделал Харди все необходимое.

– Ты уходишь? – раздался рядом сонный голос.

Он положил руку на ее короткие, ставшие со временем совсем седыми волосы.

– Я должен быть в управлении полиции через сорок пять минут. Спи дальше, я разбужу Людвига и отправлю его в школу.

Он встал, скользнул взглядом по контурам ее тела под одеялом и подумал о том, о чем думал каждое утро.

До чего же тяжела жизнь всех его женщин.

Черные тучи шерстяным одеялом окутывали небо над городским управлением полиции. Это продолжалось уже почти неделю. Вообще говоря, угнетала его именно эта явно не проявившая себя осень, которая медленно, но верно давила ему на плечи в темные зимние месяцы. Он ненавидел это время года. Дождь, переходящий в снег, покупатели, носившиеся повсюду как идиоты в поисках подарков, без которых можно прекрасно прожить. Уже в октябре все наполняла рождественская музыка, полыхало море праздничных огней, громоздились тонны пластика и мишуры, которые были призваны напомнить человечеству о благословенном будущем прибытии Иисуса, – все это в масштабах, наводящих ужас. И вдобавок ко всему на его столе здесь, спрятавшись за серыми стенами, громоздились папки с документами, свидетельствующие о том, что на убийц не влияли еловые ветки и рождественские сердечки. Они разгуливали по Дании, и окружающие даже не подозревали о совершенных ими преступлениях. Похоже, что искать это отродье было только его обязанностью.

Можно, конечно, сказать: «*Piece of cake!*»¹ Но после произошедшей более двух лет назад истории с одним консультантом по социальным вопросам, который сознательно убивал своих клиентов, обстановка в мире стала еще более нездоровой. Перестрелки на улицах. Угрозы массового увольнения государственных и муниципальных служащих. Запрет носить паранджу, запрет обрезания и множество других запретов, которые невозможно эффективно контролировать. Коллеги-полицейские были готовы перейти в муниципальные органы, лишь бы не бегать за уклонистами от уплаты налогов, непристроенными мигрантами или подпольными ростовщиками. Страна только-только стала привыкать к административному устройству, и вдруг –

¹ «Невелика хитрость!» (англ.)

бабах – муниципалитеты уже могут катиться к чертовой матери. А ведь на все на это потрачена масса времени и сил. Карлу осточертело все это дерьмо.

Ну а кто будет расследовать серьезные преступления, если Карл вдруг уйдет отсюда? Мысли об уходе у него и вправду появлялись. Можно наняться приходящей няней или заняться разведением собак и самому решать, с кем общаться, за кем ухаживать. Но кто тогда будет ловить этих подонков, если все будут думать, как он?

Карл не был уверен, что имеет смысл задаваться этим вопросом, и тяжело вздохнул, здороваясь с дежурным на проходной. Все в управлении полиции знали, что такой вздох Карла означал: надо помалкивать и держаться от него подальше. Но странным образом сегодня никто не обратил внимания ни на вздох, ни на него самого.

Уже спускаясь в цокольный этаж, он заметил, что что-то не так, как всегда. Люди отводили глаза. И если не считать одного слабенького лучика света, пробивающегося из кабинета Гордона в конце коридора, везде было совершенно темно. Свет в отделе «Q» был потушен.

Карл фыркнул. И что теперь делать? Как, черт возьми, включить этот проклятый свет? Должен же быть для этого какой-то специальный сотрудник.

Он поискал выключатель у нижней ступеньки лестницы, но не нашел. Зато носком ботинка он угодил в какой-то большой и тяжелый предмет и расшиб колено. Карл чертыхнулся, отступил на шаг в сторону, потом вперед и снова наткнулся на что-то вроде большой коробки, стукнулся головой об стену, ударился плечом о вертикальную трубу и, наконец, рухнул на пол в полный рост.

Лежа на полу, он проклинал все на свете словами, о существовании которых даже не подозревал.

– Гордон! – проорал он изо всех сил, поднимаясь, и пошел дальше, ощупывая стену. Ответа не последовало.

У себя в кабинете он наконец включил свою красивую настольную лампу, компьютер и сел на стул. Боль была настолько сильной, что Карл застонал.

Он что, единственный на работе во всем отделе? Давно такого не было.

Карл протянул руку к термосу, где, к счастью, на дне осталось немного вчерашнего кофе, не важно, что холодного.

«Хоть так», – подумал он.

Из ящика стола Карл достал лиловую кружку, которую подарил ему приемный сын. Она была так уродлива, что не стоило никому показывать ее при дневном свете. Карл налил кофе.

«Что еще за черт?» – подумал он, увидев на столе записку.

Дорогой Карл,

тот материал из архива, который ты запрашивал, я оставила в коридоре.

Коробки слишком тяжелые, а я слишком легкая, чтобы их дотащить.

С дружеским приветом,

Лиза

Карл чертыхнулся. Хуже места, чтобы оставить коробки, трубно было придумать, но это было решением Лизы – самой прелестной женщины во всем управлении.

Он выложил мобильник на стол и устался на него.

«Что ж ты не включил его в темноте?!» – подумал он и с досады стукнул кулаком по столу, отчего кружка подскочила и упала набок. Не только записка Лизы, но и вся стопка бумаг, которую он собирался просмотреть, окрасились в цвет дерьма.

Десять минут он глядел на перепачканные документы и думал о сигаретах. Мона упрашивала его бросить курить, и это было бы, конечно, правильно, но он ничего не мог поделать

со своей привычкой. Когда он предпринимал попытки бросить курить, то превращался в раздражительного брюзгу. При этом больше всех доставалось Асаду и Гордону.

«Да плевать!» – решал он в конце концов, когда хотелось курить.

Он вздрогнул, когда зазвонил телефон.

– Заглянешь, Карл?

Это был риторический вопрос. У начальницы управления полиции был удивительно писклявый голос даже для шуплой женщины климактерического возраста. Он обладал свойством раздражать любого человека.

Но почему она сама звонит? Их отдел закрывают? Или хотят его уволить? В данный момент это было бы не очень кстати.

Он сразу же почувствовал тягостное настроение, как будто разлитое в воздухе на третьем этаже. Даже Лиза непривычно мрачная. Весь коридор перед кабинетом начальницы управления был заполнен молчаливыми сыщиками.

– Что случилось? – спросил он Лизу.

Она покачала головой:

– Точно не знаю, но ничего хорошего. Что-то с Ларсом Бьорном.

Брови Карла взлетели вверх. Того наконец-то поймали на какой-то пакости? Вот это его дьявольски порадовало бы.

Через минуту он стоял в зале, где проходили летучки. Коллеги все как один были удивительно безучастны. Что, какие-то политики урезали их бюджет? И виноват в этом Ларс Бьорн? Это не удивительно. Во всяком случае, Ларса не было среди собравшихся, это Карл сразу отметил.

Начальница управления полиции по привычке выдвинула вперед плечи, как будто это могло оказать помощь тесноватой форменной куртке в сражении с выпуклостями на груди.

– Мне очень жаль, но я должна сообщить то, что уже известно некоторым из присутствующих. Сорок пять минут назад позвонили из больницы в Гентофте и сообщили, что Ларс Бьорн скончался.

На мгновение она опустила голову, а Карл попытался осознать то, что она сказала.

Ларс Бьорн умер? Верно, что он был дрянью и несносным воображалой. Карлу он был малосимпатичен, но чтобы прямо-таки желать ему смерти? Это было бы...

– Сегодня рано утром Ларс, как всегда, совершил пробежку по парку Бернсторфф и, придя домой, казалось, чувствовал себя прекрасно. Но через пять минут у него возникли проблемы с дыханием, потом был инфаркт, который в конечном счете... – Она запнулась. – Его жена Сусанна, которую многие из вас знают, попыталась провести массаж сердца, и, хотя машина «скорой помощи» приехала сразу, а в кардиологическом отделении сделали все возможное, его жизнь спасти не удалось.

Карл посмотрел вокруг. Несколько коллег были по-настоящему взволнованы, но большинство, как ему показалось, главным образом размышляли о том, кто его заменит.

«Будет ад кромешный, если кто-то типа Сигурда Хармса, – с ужасом подумал он. – Но вполне терпимо, если это будет Терье Плууг, а еще лучше Бенте Хансен».

Осталось только скрестить за это пальцы. Он безуспешно искал в толпе лицо Асада. Значит, тот дома у Розы или на задании. Зато в самой глубине он увидел возвышающегося надо всеми Гордона с побелевшим лицом и красными глазами, как у Моны, когда ей очень плохо.

Их взгляды встретились, и Карл помахал ему.

– Мы должны держаться, – продолжила начальница управления. – Я понимаю, что многие из вас потрясены, потому что Ларс был по-настоящему любимым руководителем и добрым коллегой для всех нас.

Тут Карлу пришлось несколько раз сглотнуть, чтобы не расквашаться.

– Пусть время лечит нашу скорбь, а мы сосредоточимся на работе. Мне, конечно, в ближайшее время придется назначить ему замену.

Стоявший рядом с ней заместитель по кадрам Янус Столь кивнул. Ясно, ему придется заняться этим делом в первую очередь. Начальники для того и существуют, чтобы при малейшей возможности перевернуть все вверх дном. А как еще руководители, особенно на государственной службе, могут доказать свою нужность?

Карл услышал, что у него за спиной вздохнул Гордон, и обернулся. Выглядел тот неважно. Карл, конечно, знал, что на работу в управление полиции Гордона взял Ларс Бьорн, и его реакция была понятна. Но вот позднее разве не этот же самый Бьорн сделал жизнь Гордона невыносимой?

– Где Асад? – спросил Гордон. – У Розы?

Карл задумался. Гордон не зря вспомнил про Асада в связи с Ларсом Бьорном. Как ни странно, Ларса Бьорна и Асада всегда связывали своего рода братские узы. Общие дела в прошлом, подробностей которых Карл не знал, привели к крепкому союзу между ними, и в конечном счете именно Бьорн привел Асада в отдел «Q».

И вот теперь Бьорн умер.

– Мне позвонить Асаду? – спросил Гордон, на самом деле ожидая, что это сделает Карл.

– Мм, не лучше ли подождать, когда он придет, и тогда рассказать? Роза разволнуется, если он у нее. Никогда не знаешь, как она отреагирует.

Гордон пожал плечами.

– Пошлю ему эсэмэску, чтобы он тебе перезвонил, когда Розы не будет рядом.

Хороший план. Карл поднял вверх большой палец.

– Сегодня утром мне опять звонил этот ненормальный, – сказал Гордон, перестав шмыгать носом, когда они спускались по лестнице.

– Вот как... – За последние несколько дней Гордон говорил это, наверное, уже раз десять. – Ты его спросил, почему он звонил именно тебе? Он сказал?

– Нет.

– И ты не локализовал его?

– Нет. Я пробовал, но он использует одноразовые сим-карты.

– Хм. Если это тебя раздражает, в следующий раз дай отбой.

– Я пробовал, не помогает. Он перезванивает через пять секунд и делает так, пока я не прослушаю его сообщение.

– Еще раз спроси, чего он хочет.

– Он говорит, что будет убивать, пока не дойдет до числа 2117.

– Если это год, то до него еще много лет. – Карл засмеялся.

– Я спросил его, что означает двадцать один семнадцать. Ответ был загадочным: мол, это когда его игра дойдет до числа двадцать один семнадцать. И начал хохотать. У него жуткий хохот, скажу я тебе.

– Может быть, это просто свихнувшийся придурок? Какого он возраста примерно?

– Не старый. Разговаривает как тинейджер, но, думаю, немного постарше.

Время шло, а Асад не звонил и не отвечал на многочисленные эсэмэски Карла.

Похоже, его кто-то уже оповестил.

Больше всего Карлу хотелось уйти домой. За весь день он не притронулся ни к одной из папок с документами.

«Если Асад не придет в ближайшие полчаса, я смоюсь», – подумал он и стал просматривать в интернете объявления о приеме на работу. Странно, что ему не встретилось ничего подходящего для пятидесятитрехлетнего вице-комиссара полиции с индексом массы тела, приближающимся к двадцати восьми.

Придется пристроиться в муниципальный совет Аллерёда, только какого черта он будет там делать? И от какой партии избираться?

Тут он услышал в коридоре хорошо знакомые шаги Асада.

– Ты уже слышал? – спросил Карл, когда тот появился в дверях, обратив внимание на две глубокие складки на лице Асада.

– Да, слышал. Я провел пару часов у Сусанны, это было не очень-то весело, скажу я тебе.

Карл кивнул. Асад утешал вдову. Значит, он был близок с семьей Бьорна.

– Она была просто не в себе, Карл.

– Мм, это можно понять. Так неожиданно.

– Не в этом дело. Она негодовала, что он добегался.

– Добегался?

– Ну да, он же бегал. Еще она расстраивалась, что он много раз вел тяжелые переговоры о заложниках. Злилась на него за любовницу. И за то, что он неизвестно на что тратил деньги.

– Вау, остановись. У Ларса Бьорна была любовница, говоришь?

Асад удивленно посмотрел на него:

– Ларс Бьорн мог трахаться с любым существом на двух ногах, если только появлялась возможность, разве ты не знал?

Карл широко раскрыл глаза. Ах, зануда несчастный! И что только женщины находили в этом идиоте?

– Почему же тогда она не выгнала его?

Асад пожал плечами:

– Верблюды не любят менять места водопоя, Карл.

Карл попробовал представить себе жену Бьорна. Сравнение с верблюдом, пожалуй, было очень удачным.

– А еще ты упомянул переговоры о заложниках, это что за история?

– Захваченные бизнесмены, журналисты, дураки-туристы, те, кто привозил гуманитарную помощь...

– Я прекрасно знаю, кто чаще всего оказывается в заложниках, но при чем тут Бьорн?

– Он лучше всех знал ошибки, из-за которых террористы начинают убивать заложников.

– Гм. Поэтому ты и дружил с Бьорном? Он помог, когда ты попал в заложники?

Лицо Асада на мгновение потемнело.

– Скорее, наоборот. Кроме того, это был не заложник, а заключенный в одной из самых страшных тюрем Ирака.

– Абу-Грейб?

Он кивнул и одновременно покачал головой:

– И да и нет. Назовем это филиалом. В действительности таких было много. Скажем так, это был филиал номер один.

– Как это понимать?

– Я тоже вначале не понимал, но потом разобрался, что этот комплекс зданий гораздо меньше Абу-Грейба. Он расположен изолированно от главной тюрьмы, а содержатся там те, кто требует особого внимания.

– Например?

– Взятые в плен иностранцы и высокопоставленные чиновники, политики, шпионы и просто зажиточные люди. Иногда целые семьи, которые были в оппозиции к режиму Саддама. Те, кто знал слишком много, и те, кого нужно было разговорить.

«Вот черт!» – подумал Карл.

– Ларс Бьорн, значит, был там заключенным?

– Нет, не он. – Асад долго стоял молча, покачивая головой и глядя в пол.

– Хорошо, – сказал Карл. Значит, на такие темы Асад не хочет разговаривать. – Мне рассказывал об этом Томас Лаурсен. Кажется, ты подтвердил это, когда я спрашивал. Послушай, я знаю, что для тебя это тяжелая тема, Асад. Забудь мой вопрос.

Асад закрыл глаза и сделал глубокий вдох, потом выпрямился и посмотрел прямо в глаза Карлу.

– Нет, Ларс не сидел в тюрьме и не был заложником. Заключением был его брат Йесс. – Асад насунился и, казалось, опять ушел в себя. Раскаялся, что приоткрыл завесу, которую не следовало поднимать?

– Йесс?! Йесс Бьорн?! – Что-то в этом имени показалось Карлу знакомым. – Как ты думаешь, я с ним встречался?

Асад пожал плечами:

– Вряд ли. Может быть, когда-то давно, но сейчас он в доме престарелых.

Он сунул руку в карман и вынул мобильник. Карл не слышал сигнала, видимо, звук был отключен.

Асад стоял с мобильником около уха и кивал, складки около носа стали глубже. Вид у него при ответах был недовольный. Как будто то, о чем шла речь, нарушало какую-то неизвестную договоренность.

– Мне надо уйти, Карл, – сказал он и сунул мобильник в карман. – Это Сусанна Бьорн. Вообще-то, мы договорились, что брата Ларса проинформирую я, но она вдруг взяла и позвонила ему.

– И он воспринял это не очень хорошо, да?

– Он воспринял это чертовски плохо, поэтому я вынужден уйти, Карл. Я хотел подождать немного и сделать это позже, но теперь надо идти.

Прошла почти неделя с тех пор, как Карл в последний раз ездил в свой дом в Аллерёде, и с тех пор, как он начал мотаться между ним и квартирой Моны. За это время его квартирант Мортен разворотил дом из желания его благоустроить. Пара покрытых бронзовой краской фигур совершенно голых атлетов в прихожей ошеломляла. Что уж говорить о гостиной, которая из комнаты с практичной некрашеной мебелью семидесятых годов превратилась в оргию желтого шафрана и кричащей зелени. Теперь она приобрела сходство с заплесневевшим эмментальским сыром. Не хватало еще только, чтобы он перетащил в гостиную остатки своего любимого конструктора лего.

– Привет! – крикнул Карл, словно оповещая, что нормальный порядок вещей вернулся в дом.

Ответа не последовало.

Карл нахмурился и попытался через кухонное окно высмотреть инвалидную коляску Харди, но безуспешно. Старого друга и коллеги нигде не было видно.

Он погрузился в кресло рядом с пустой кроватью Харди в гостиной и положил на нее руку. Может быть, пришло время изменить контракт Мортена и дать ему право распоряжаться всем домом. Конечно, с оговоркой, что если жизнь с Моной у него разладится, то Мортену останется только цокольный этаж.

Карл улыбнулся. Если Мортен Холланн получит в свое распоряжение весь дом, то, может быть, Мика, бойфренд Мортена, тоже переедет сюда жить. Оба уже далеко не мальчики, не пора ли им оформить свои отношения?

За дверью раздался шум. Жужжание электродвигателя коляски Харди и смех Мортена оживили гостиную.

– Привет, Карл, как хорошо, что ты пришел. Ни за что не догадаешься, какие у нас новости, – защебетал Мортен, увидев его.

«Похоже, что-то приятное», – подумал Карл, заметив, как сияют глаза Харди и каким довольным выглядит Мика.

Мортен сел перед ним, не снимая верхней одежды.

– Мы едем в Швейцарию, Карл. Все трое: Мика, Харди и я. – Он широко улыбнулся.

В Швейцарию?! Страну с дырявым сыром и битком набитыми банковскими ячейками. Что же в этом интересного? Есть много других мест, где Карл почувствовал бы себя намного лучше, чем в Швейцарии.

– Да, – продолжил Мика. – Мы заключили договор со швейцарской клиникой, которая обещала оценить возможность операции по вживлению Харди нейрокомпьютерного интерфейса.

Карл посмотрел на Харди. Он не понял ничего из того, что сказал Мика.

– Извини, Карл, что я тебе ничего не говорил, – вполголоса произнес его парализованный друг. – Ушло очень много времени на то, чтобы собрать деньги. А может быть, мы их и не получим.

– Один немецкий фонд оплачивает проживание и частично операцию, с ума сойти можно, – добавил Мика.

– Вы вообще о чем? Какой интерфейс?

И тут Мортена словно прорвало. Странно, как он держался до сих пор.

– Университет Питтсбурга разработал метод вживления микроэлектродов в мозг парализованного человека, в центр, который управляет движениями рук. Благодаря этому появляется возможность вернуть ощущения, в частности, в пальцах. Именно это мы хотим сделать с Харди.

– Но это опасно.

– Все нет, – продолжил Мика. – И хотя Харди может пошевелить одним пальцем и немножко плечом, этого ведь недостаточно, чтобы мы надели на него экзоскелет.

Карл по-прежнему ничего не понимал.

– Экзоскелет?! Что это такое?

– Это легкая оболочка, внешний каркас, который прикрепляется к телу. Маленькие электродвигатели помогают двигаться тому, кто не может ходить. В результате пациент идет как бы сам.

Карл попытался представить себе, что Харди по прошествии многих лет опять сможет стоять. Два метра семь сантиметров на железном штативе. Он будет похож на шагающего монстра Франкенштейна или на что-то и того хуже. Смешно, но Карлу смеяться не захотелось. Неужели такое возможно? Или это ложные надежды?

– Карл! – Харди подъехал на электроколяске чуть ближе. – Я знаю, ты думаешь, что меня ждет разочарование. Что пройдут долгие месяцы, а потом окажется, что все было зря, и это меня убьет, ведь так?

Карл кивнул.

– Знаешь, с того момента, когда я двенадцать лет назад лежал, парализованный, в институте болезней позвоночника в Хорнбэке и просил тебя убить меня, и до сегодняшнего дня у меня не было цели в жизни, которая позволила бы чувствовать себя нормальным. Я, правда, езжу в моей коляске, и в общем и целом все как надо, за это я очень благодарен. Но мысль о том, что есть шанс побороться за еще один шаг вперед, придает мне оптимизма. Тебе не кажется, что лучше уж пусть так и будет до тех пор, когда все это, может быть, сорвется?

Карл еще раз кивнул.

– Надеюсь, что после операции я почувствую свои руки и буду двигать их силой мыслей, а может быть, такое же получится и с ногами. Были эксперименты с парализованными обезьянами, и они начинали ходить. Вопрос только в том, осталась ли у меня мышечная масса.

– Тут-то и пригодится экзоскелет, как я понимаю?

Если бы Харди мог кивать, он сделал бы это.

6 Асад

Тревожно мигающие огни танцевали перед фасадом дома престарелых, отражаясь в струях дождя.

«О Аллах Всемогущий, пусть только это будет не Йесс», – думал Асад, увидев пустую машину «скорой помощи», задние двери которой были широко раскрыты.

В четыре прыжка он одолел лестницу и ворвался в приемный покой. Из персонала там никого не было, только любопытные проживающие, шепчась, проводили его взглядом, когда он помчался к комнате своего друга.

Три младших медсестры, которым выпало дежурить в этот день, стояли в дверях с побелевшими лицами, их взгляд был направлен в сторону комнаты. Оттуда слышались тихие голоса, Асад остановился и сделал глубокий вдох. Скоро уже тридцать лет, как его жизнь и жизнь Йесса оказались тесно связаны, и много раз за эти годы он проклинал себя за то, что судьба свела их. Несмотря на это, Йесс был ему ближе, чем кто-либо другой, и знал о нем больше всех; за последние десять лет Асад ни разу не испытывал ничего похожего на то, что он чувствовал теперь.

– Он умер? – спросил Асад.

Ближайшая из медсестер обернулась.

– А, Заид, это ты? – Она перекрыла ему путь рукой. – Тебе сюда нельзя.

Объяснений не последовало, да и необходимости в них не было, потому что через мгновение каталка с телом выехала, ноги покоились под белым покрывалом. И только когда показалась остальная часть, самые худшие предчувствия Асада стали реальностью. Санитары из машины «скорой помощи» постарались закрыть лицо дополнительным куском ткани, но кровь тем не менее просочилась.

Асад поднял руку и попросил остановиться, когда каталка поравнялась с ним. Ему надо было убедиться, что это действительно Йесс. Как и ожидалось, санитары запротестовали, когда он стал поднимать покрывало, но замолчали, увидев его взгляд.

Глаза Йесса были полуоткрыты, уголок рта опустился вниз к тому месту, где он нанес себе удар в сонную артерию.

– Как это произошло? – прошептал он, закрывая глаза покойного.

– Кто-то ему позвонил, – сказала старшая из медсестер, когда каталка поехала к главной лестнице. – Мы слышали, как он закричал, но когда прибежали, чтобы узнать, что случилось, он попросил нас оставить его в покое. Сказал, что посидит немного, а потом позвонит нам, чтобы его коляску отвезли к остальным.

– Когда это было? – спросил Асад.

– Всего полчаса назад, мы нашли его со стержнем от шариковой ручки, воткнутым в сонную артерию. Он еще не умер, и... – Продолжение застряло у нее в горле. Даже для выдавшей виды медсестры это наверняка было шокирующим зрелищем.

– Дежурный врач случайно находился рядом, заполнял свидетельство о смерти одного из проживающих, скончавшегося вчера вечером. Он, вероятно, еще сидит в моем кабинете и читает историю болезни Йесса, – сказала вторая.

Асад ухватился за дверной косяк и попытался сглотнуть. Ларс Бьорн и его брат в один и тот же день, разве это возможно? Неужели Аллах стоит сейчас рядом с ним, положив руку на плечо, и пытается придавить его к земле? Неужели Божья воля состоит в том, чтобы он почувствовал то, как если бы ему отрезали руку? Чтобы связь с прошлым была разорвана и брошена в огонь, где в конечном счете сгорают все воспоминания? Убийственное ощущение.

– Я не могу этого понять, слишком жестоко, – сказал он. – Йесс и его брат были сегодня утром живыми, а теперь их больше нет.

Асад качнул головой. Если бы Ларс и Йесс умерли в тех странах, которые связали судьбы всех троих, то их похоронили бы едва ли не раньше, чем тела их успели окоченеть.

– Да, это ужасно, – сказала старшая из медсестер. – «Благословен, благословен, мир каждой душе. Но никто не знает, каков был день, пока не наступит ночь» – так поется в псалме. Мы должны беречь нашу жизнь, пока она у нас есть, да, именно так.

Асад посмотрел в комнату. Судя по крови под коляской и темной полосе на полу, Йесс сделал это сидя, а после смерти его переложили на каталку. Разобранный паркер, из которого он вынул острый стержень, все еще лежал на прикроватном столике. Эту ручку сам Асад подарил ему много-много лет тому назад.

– Где стержень, который он воткнул в себя? – машинально спросил он.

– В пластиковом пакете у врача. Он позвонил в полицию, и там сказали, что пришлют людей. Он сделал несколько фотографий.

Асад осмотрелся. Кому в наследство останутся вещи, лежавшие вокруг, теперь, когда и Ларс Бьорн тоже умер? У Йесса не было детей и не осталось ни братьев, ни сестер. Все эти обшарпанные реликвии шестидесятивосьмилетней жизни перейдут к Сусанне? Обрамленные латунью фотографии мужчины, который когда-то гордо возвышался на метр девяносто и носил на форменной одежде целое море наград? Его дешевая мебель и старый телевизор?

Асад вошел в кабинет, где врач в очках набирал что-то на компьютере.

Асад и этот врач не раз встречались и кивком приветствовали друг друга за те годы, что Йесс жил в доме престарелых, после того как его перевели сюда военные. Врач был немногословным, порядком уставшим от жизни человеком. Каким еще он мог быть на такой должности?

Они еще раз кивнули друг другу.

– Его пальцы все еще удерживали стержень ручки, когда я вошел, – сказал доктор из-за компьютера. – Это самоубийство.

– К сожалению, меня это не удивляет, – сказал Асад. – Он только что получил сообщение о смерти брата. Самое худшее из всех сообщений, которые он вообще мог получить.

– Вот как, значит. Трагедия, – сказал врач безо всяких признаков сострадания. – Я как раз записываю произошедшее в историю болезни, так что могу указать это известие как предположительную причину его поступка. Насколько я понимаю, вы были знакомы с ним много лет.

– Да, начиная с девяностого года. Он был моим наставником.

– Он когда-нибудь раньше говорил, что хочет покончить жизнь самоубийством?

Говорил ли Йесс, что хочет покончить с собой? Асад невольно улыбнулся, хотя повод был неподходящим. Какой же солдат, который лишил жизни стольких людей, как это сделал Йесс, не говорит об этом постоянно?

– Нет, пока он был здесь. И во всяком случае, мне. Никогда, ни разу.

Асад позвонил Сусанне и постарался успокоить ее, когда она принялась винить во всем себя. Он сказал, что это, вероятно, произошло бы в любом случае.

Что было ложью.

Асад остановился перед домом престарелых и смотрел на пробежавшие по небу серые облака. Они были подходящим сопровождением для ужасных событий этого дня. Асад почувствовал усталость в ногах и сел на скамейку перед лестницей. Здесь они с Йессом обычно прощались. Асад достал мобильник.

– Карл, я сегодня не вернусь на работу, – сообщил он после того, как рассказал обо всем, что случилось.

На другом конце наступила короткая пауза.

- Я не знаю, что этот Йесс Бьорн значил для тебя, Асад, но думаю, что две смерти за один день среди твоих близких – это слишком много, – сказал Карл. – Как долго тебя не будет?
Асад задумался. Откуда ему знать?
– Ладно, не отвечай. Недели хватит, Асад?
– Мм, не знаю. Может быть, всего лишь несколько дней. Договорились?

7

Асад

На внешней галерее у грязных окон квартиры Розы уже лежала новая стопка газет. Если считать, что жители квартала каждый день приносили ей около шести килограммов прессы, то получалось более двух тонн в год; и дорога к контейнеру для бумажных отходов не принадлежала к числу любимых маршрутов Асада. Ну и ладно, соседи хотели добра, а Роза находила отдохновение в работе с газетными вырезками, так почему бы и нет? Неплохо уже то, что люди приносили к окну ее кухни не все свои печатные издания, как это было год тому назад. И разброс был весьма велик, Асад вынужден был это признать. У нее хорошо были представлены не только датские издания, но и немецкие, английские, испанские и итальянские журналы и газеты от иностранцев, живших неподалеку, что прекрасно отражало многообразие новостного потока.

Роза сидела в комнате спиной к окнам, выходящим на поросший травой луг, и, как обычно, занималась своими вырезками, которые лежали перед ней кучками. Это был весь ее мир. Она слишком долго была прикована к собственному туалету, став заложницей нескольких жестоких молодых женщин, и после этого так и не вернулась к обычной жизни. С тех дней прошло два года. Тогда Розе было тридцать шесть лет, а сегодня ей можно было дать сорок пять. Лишние двадцать килограммов на бедрах и на ногах давали себя знать. Тромбы в сосудах ног после жесткой фиксации. Поиски утешения в еде. Антидепрессанты. Все это сделало свое недоброе дело.

Асад бросил пакет с покупками и пачку газет на пол у кухонного стола, сунул ключи в карман и сказал «привет» только тогда, когда Роза посмотрела на него. Ее реакция не отличалась быстротой, но других отклонений у старушки Розы не было.

– Ну, как погуляла сегодня? – пошутил он, криво усмехнувшись, потому что она, конечно, не гуляла. Мир вне дома для Розы больше не существовал.

– Купил мешки для мусора? – спросила она.

– Да, – сказал Асад и распаковал свою добычу.

Четыре рулона прозрачных мешков, их хватит на четыре-пять недель.

– Я принес консервы, Роза. Тебе придется продержаться на них пару дней. Поэтому я и пришел сегодня второй раз.

– Какое-то расследование?

– Нет, не это. Косвенно мое дело связано с Ларсом Бьорном. Ты уже все знаешь? – сказал он и, подойдя к радио, убрал звук.

– В новостях по радио упоминали об этом, – сказала она без признаков волнения.

– Ладно. Я тоже услышал это в новостях авторадия.

– Ты говоришь «косвенно»? – Она отложила ножницы, скорее из вежливости, чем из-за особого интереса.

Асад сделал глубокий вдох: придется ей все рассказать.

– Да, это очень плохо и для меня тоже. Его брат совершил самоубийство после того, как жена Ларса Бьорна позвонила ему и сказала, что Ларс умер.

– Позвонила эта... – Роза приставила палец к виску и покрутила. – У нее никогда не было ума, у этой глупой курицы. Самоубийство, говоришь. Не думала, что кто-то настолько мог любить Ларса Бьорна.

Ее сухой смех и язвительность обычно приводили Асада в хорошее настроение, но сейчас было не так. Она заметила его реакцию и отвернулась.

– Я кое-что изменила здесь, ты заметил?

Взгляд Асада скользнул вдоль стен. Две из них были по-прежнему заставлены от пола до потолка коричневыми архивными коробками с систематизированными вырезками, а на третьей стене вокруг телевизора был создан большой коллаж из вырезок, прикрепленных скотчем. Ни одна тема, по-видимому, не ускользала от Розы, и негодование ее отчетливо ощущалось во всем. Это были темы транспортной безопасности на стройках в Копенгагене, забота о животном мире, королевская семья. Но больше всего места было отведено нападкам журналистов на неудовлетворительную работу чиновников, коррупцию и безответственность политиков. Ничего нового Асад не заметил.

– Я вижу, Роза, – тем не менее сказал он. – Сделано хорошо.

Она нахмурилась.

– Ничего хорошего, Асад. Данию уничтожили, ее больше нет. Ты что, не понимаешь, что ее больше нет?

Он закрыл руками лицо – придется все рассказать. Может быть, она поймет.

– Роза, брата Ларса звали Йесс. Я знал его почти тридцать лет. Нас много что связывало, хорошего и ужасного. Теперь мне надо пару дней побыть одному, чтобы все обдумать, понимаешь? Смерть Йесса перетряхнула мою жизнь.

– Воспоминания приходят, и уходят, и возвращаются снова, Асад. Их нельзя просто забыть или не впускать, особенно плохие, об этом я знаю все.

Он посмотрел на нее и вздохнул. Почти два года назад эти стены были обклеены горькими цитатами из дневников Розы. Такими мучительными, что однажды в пьяном виде она призналась ему, что совершила бы самоубийство, если бы ей не препятствовали ее похитители. Поэтому Роза знала, как память копит события жизни, которые было бы лучше забыть.

Асад некоторое время смотрел в пустоту. Йесс лишил себя жизни, той самой, которую Асад ему когда-то сохранил, рискуя своей собственной. А теперь ни Йесса, ни его брата больше нет. Осталось только воспоминание, как много лет тому назад Ларс Бьорн позвонил ему и, умоляя, попросил спасти брата. Если бы не этот звонок по поводу Йесса, у Асада сейчас по-прежнему была бы семья. С тех пор прошло шестнадцать лет. Шестнадцать лет, на протяжении которых он надеялся, и боролся, и изо всех сил пытался сдержать горе и слезы.

А теперь силы иссякли.

Он ухватился за спинку стула, тяжело опустил плечи, и у него хлынули слезы.

– О боже, что случилось, Асад? – услышал он голос Розы. И, не поднимая взора, понял, что она, приложив невероятные усилия, подошла к нему и присела рядом на корточки. – Мужчина, ты плачешь, что случилось?

Он посмотрел ей в глаза и почувствовал сострадание, которого не испытывал уже больше двух лет.

– Это слишком длинная и грустная история, Роза. Но конец ей, как я понимаю, пришел только сегодня. Я плачу, чтобы освободиться от нее, Роза, потому что ничего другого сделать я не могу. Десять минут. Дай мне десять минут, и все будет хорошо.

Она обхватила его руки.

– Асад, что бы я сделала, если бы ты тогда не открыл дневник, в котором я прятала свое прошлое? Я лишила бы себя жизни, ты это знаешь.

– Так сказал верблюд, когда кончилась вода, но он продолжал стоять у корыта, Роза.

– Что это значит?

– Осмотрись вокруг. Разве ты не лишаешь себя жизни сейчас? Ты перестала работать и живешь на одну пенсию. Не выходишь на улицу. Просишь детей и меня делать тебе покупки. Ты боишься внешнего мира, тебе удобнее сидеть здесь за грязными окнами, чтобы снаружи сюда ничто не проникало. Ты не разговариваешь со своими сестрами, почти никогда не звонишь в управление полиции. Ты забываешь о радостях, которые Гордон, Карл, я и фантастическая

работа в команде могли бы тебе дать. Кажется, что у тебя больше нет желаний. А на что тогда жизнь?

– У меня есть одно желание, Асад, и ты можешь его выполнить сейчас.

Он задумчиво посмотрел на нее. Наверняка что-то невыполнимое.

Роза тяжело вздохнула, как будто не решаясь произнести то, что хотела. На мгновение она стала похожа на ту, какой была раньше, глаза ее прояснились.

– Так вот, – сказала она наконец, – я хотела бы, чтобы на этот раз ты раскрыл свой дневник, Асад. Мы знакомы уже одиннадцать лет, и ты мой близкий друг, но я ничего не знаю о тебе. Что для тебя важно, что ты за человек. Я хотела бы, чтобы ты рассказал свою историю, Асад.

Ну вот, так он и знал.

– Пойдем в мою спальню, ты ляжешь рядом со мной. Закроешь глаза и станешь рассказывать мне все, что захочешь. Не думая ни о чем другом.

Асад попробовал нахмуриться, но у него не получилось.

Она потянула его. Впервые за долгое время Роза заинтересовалась кем-то, кроме себя.

После той катастрофы с Розой Асад ни разу не был в ее спальне. Но если тогда она была местом отчаяния и борьбы за жизнь, то теперь, очевидно, идеальным местом отдохновения с цветами на покрывале и морем ярких подушек. Только стены напомнили о том, что в жизни нет стабильности; они были обклеены газетными вырезками, которые громко кричали о том, что мир идет ко дну.

Асад дал себя уложить на покрывало и закрыл глаза, как она его попросила.

Он почувствовал жар ее тела, когда она легла рядом и прижалась к нему.

– Начинай, Асад, рассказывай все, что придет тебе в голову, – сказала Роза и обняла его. – Помни, что я ничего не знаю о тебе, поэтому можешь рассказывать так подробно, как пожелаешь.

Несколько минут он боролся с собой, пытаясь понять, готов ли он. Роза лежала очень тихо, не произнося ни слова. И наконец он заговорил:

– Я родился в Ираке, Роза.

Он почувствовал, что она кивнула. Вероятно, она это знала.

– И зовут меня совсем не Асад, но я уже не хочу, чтобы меня звали иначе. Мое настоящее имя Заид аль-Асади.

– Саид? – Казалось, она пробовала это имя на вкус.

Он зажмурился.

– Мои родители умерли, у меня нет ни братьев, ни сестер. Я считаю себя безродным, хотя это, вероятно, не так.

– Значит, я тебя не должна называть Саид. Ты уверен?

– В имени есть звонкое «з». Имя Заид произносится со звонким «з». Но только для тебя и других людей, которых я люблю и знаю здесь, в Дании, я всегда буду Асад.

Она прижалась к нему. Ее сердце забилось быстрее и громче.

– Ты же рассказывал, что приехал из Сирии?

– Я многое рассказывал в последние годы, не надо верить всему, Роза. Грамм сомнения никогда не помешает.

Он почувствовал, что она затряслась от смеха. Что-то подобное было с ней в последний раз много лет тому назад.

– Надо говорить «гран сомнения», а не грамм, – сказала она.

– Не понимаю.

– Грамм – правильное слово, но с граммом это было бы слишком много. Один гран – ничтожно малая величина.

– Тогда я сказал правильно, Роза. Грамм не слишком много в этом случае.

Он открыл глаза и уже хотел было посмеяться вместе с ней, но увидел на стене, над ее головой, вырезку, которая его парализовала.

«Жертва 2117», – гласил заголовок.

Асад вскочил. Надо посмотреть внимательнее. Газетные фотографии с малым разрешением все похожи друг на друга. Это, конечно, просто кто-то похожий на нее. Так должно быть. Так должно быть!

Но уже на расстоянии полуметра он знал, что не ошибся. Это была ОНА!

Асад закрыл лицо руками, потому что горло у него сжалось. Он не слышал собственных рыданий. Жар стонов обжигал лицо, руки были мокрыми.

– Пожалуйста, не трогай меня сейчас, Роза, – выдохнул он, когда почувствовал на плече ее руку.

Он откинул голову и сделал глубокий вдох, очень медленно приоткрыл глаза, и фотография стала более отчетливой. Когда глаза его полностью открылись, фотография стала до ужаса четкой. Мокрое тело лежало на спине, обмякшее и безжизненное. Но в глазах женщины, устремленных в небытие, казалось, жизнь еще теплилась. Кисти рук, которые часто гладили щеки Асада, впились в песок.

– Лели, Лели... – шептал он снова и снова, кончиками пальцев глядя ее волосы и лоб на фотографии. – Что же случилось? Что же все-таки случилось?

Голова Асада упала на грудь. Неопределенность, тоска и горе, копившиеся годами, выплеснулись и парализовали его чувства и силы. Лели больше не было.

Ладонь Розы скользнула по его руке; другой ладонью она осторожно подняла его лицо вверх и повернула к себе, так что их взгляды встретились.

Они долго смотрели друг на друга, ничего не говоря, потом она тихо спросила:

– Я меняю вырезки почти каждый день, и эта почти новая. Значит, ты ее узнал?

Он кивнул.

– Кем она была?

Много-много лет судьба Лели была ему неизвестна, но в глубине души он всегда пытался убедить себя, что она будет жить вечно. Даже тогда, когда война в Сирии была самой беспощадной и отвратительной и никто не знал, кого убили и кто убивал, он надеялся, что Лели сможет уцелеть в этом аду, потому что если кто-то и был на это способен, то только Лели. И все же она лежала там, на песке, и Роза спрашивала, кем она была. А не кто она.

Он убрал руку с вырезки и откинул голову, чтобы набрать побольше воздуха в легкие и сказать то, что ему хотелось.

– Лели Кабаби была человеком, который приютил мою семью, когда мы бежали из Ирака. Мой отец был инженером и государственным служащим и в какой-то момент через партию БААС оказался близок к Саддаму Хусейну. Однажды он неосторожно покритиковал Саддама. Если бы отец происходил не из шиитов, может быть, это сошло бы ему с рук, но в те дни критические высказывания и ошибки шиитов означали для таких, как он, смерть. Отца предупредили за час до того, как подручные Саддама пришли за ним. Мать и отец приняли мгновенное решение бежать. Они не взяли с собой ничего, кроме нескольких украшений и меня. Мне был один год, когда Лели Кабаби впустила нас в свой дом в Саб-Абаре в юго-западной части Сирии. Мы жили у нее, хотя не состояли с ней в родстве, и это продолжалось до тех пор, пока отец не получил возможность работать в Дании. Мне было всего пять лет, я был жизнерадостный маленький мальчик, когда мы приехали сюда.

Он еще раз посмотрел на газетную вырезку, безуспешно пытаясь понять, о чем говорил невидящий взгляд Лели.

– Ты должна понять: Лели Кабаби была нашей спасительницей. И вот...

Он попробовал прочитать текст под фотографией, но буквы поплыли. О боже, какой ужасный, ужасный день. Силы его иссякли.

– Мне очень жаль тебя, Асад, – прошептала Роза. – Я не знаю, что тебе сказать.

Она покачала головой. А что она МОГЛА сказать?

– Если ты хочешь узнать об этой истории что-то еще, то у меня есть вырезки из иностранных газет, в которых больше деталей. Я помню, где они, потому что все случилось несколько дней назад. Принести?

Он кивнул, и Роза вышла из спальни.

Вернувшись, она положила коричневую архивную коробку рядом с ним на кровать и открыла.

– Вот вырезки из «Таймс». Они раздули это дело, потому что жертва была такой нетипичной. Посмотри на дату. Статья опубликована на следующий день после того, как испанская газета заговорила об этой истории, и чтение это очень тяжелое, Асад. Хочешь, я буду читать тебе вслух? Ты скажешь, когда надо остановиться.

Он покачал головой. Он хотел читать сам, чтобы иметь возможность лучше контролировать себя.

Асад стал читать. Подобно осторожному пешеходу, который на цыпочках идет по ненадежному висячему мостику, его взгляд передвигался маленькими шажками от слова к слову. Статья была переполнена деталями, это Роза уже сказала, и все живо вставало перед глазами. Длинный ряд трупов, лежавших на берегу, пена вокруг рта жертв – все было подробно описано. Из статьи вытекало, что первым выплыл джихадист. Кожа на лице у него была со множеством порезов, оставшихся после сбривания большой бороды, которая являлась обязательной принадлежностью джихадистов.

Асад боролся с картинками, которые возникали у него перед глазами, и пытался ответить на вопросы, появившиеся при чтении статьи. Почему Лели решила бежать? Что произошло?

Роза протянула ему еще одну газету.

– На следующий день в «Таймс» появилось вот это. Я сразу скажу тебе, Асад, потому что это ужасно. Пожилая женщина не утонула, ее убили. Поэтому я и повесила ее фото на стену, чтобы выразить то, как мне ее жаль.

Плечи Асада опустились.

– Ей в шею воткнули какой-то острый предмет. Вчера был опубликован акт вскрытия. В легких почти не оказалось морской воды, Асад. Так что она уже умерла или умирала, когда ее выбросили в море.

Асад был не в состоянии что-либо понять. Этого доброго радушного человека, в котором не было ни капли зла, убили. Какой звероподобной тварью надо быть, чтобы совершить такое? И зачем?

Он взял газету. Фото отличалось от того, что было помещено здесь прежде. Немного другой ракурс, но взгляд и положение тела те же самые. Он еще раз посмотрел на женщину. Она была в точности такой, какой он ее запомнил. Ладони ее лежали на мокром песке. Эти руки ласкали его; рот, который пел для него; и глаза, которые внушали ему веру в то, что все будет хорошо.

«Но для тебя все кончилось плохо, Лели», – подумал он, и тут его охватил гнев и жажда мести.

Асад еще раз взглянул на зернистое фото, на котором были видны тела, лежавшие на берегу. Это было ужасно, невозможно смотреть. Контуры безжизненных тел, ряды ног, торчащих из-под покрывал. Женщины, дети, мужчины – и Лели, которая через мгновение после того, как сделали эту фотографию, легла в один ряд с другими. И вот эта добрая жизнерадостная женщина, которой его семья была обязана всем, завершила свой жизненный путь как статистическая единица, свидетельство циничных и позорных ошибок этого мира.

И в таком мире он хотел жить?

Потом он повернулся к фотографии, где группа выживших стояла подальше от воды с ужасом во взгляде.

«И это сделал кто-то из вас?» – подумал он.

Асад зажмурился. Даже если это будет стоить ему жизни, он найдет этих людей, пообещал он себе.

Эта фотография была немного нечеткой из-за плохого освещения, но что-то привлекло его внимание. Что-то знакомое, причем связанное с болью. Это был мужчина, который стоял в стороне от других и смотрел прямо в объектив, словно хотел, чтобы его запечатлели. Его борода опускалась на грудь и напоминала, из какого прибежища зла он бежал; глаза его были жесткими, как и весь облик. Рядом с ним стояла молодая женщина с выражением ужаса на лице. А за ней другая женщина, которая...

И его поглотила тьма. Лишь где-то очень далеко чей-то голос прокричал: «Асад!»

8 Хоан

День тринадцатый

С первой же секунды Хоан возненавидел человека, который восседал за стойкой в аэропорту Ларнаки.

От него несло потом, он исподлобья смотрел на людей, и видно было, что из-за личных неурядиц он мстит всем окружающим.

Наконец он повернулся к Хоану. Почти два часа Хоан буравил испепеляющим взглядом этого небритого вальяжного иммиграционного офицера, чтобы тот удостоил его ответом. На это ушло десять секунд. И все люди в форме, стоявшие за ним, дружно закивали. О боже, неужели они все это время тоже могли дать ему ответ?

Ноздри Хоана затрепетали. У него мелькнуло желание двинуть по башке им всем сразу.

– Видите ли, – невозмутимо сказал офицер, – выживших перевели вчера в Центр интернированных Меногея, а умерших разместили в моргах соседних городов, так что в Айя-Напе никого не осталось, – сказал он по-английски так, как Хоан говорил, когда проходил обучение в третьем классе.

Хоан заставил себя вежливо кивнуть.

– Центр интернированных Меногея, хорошо. И как же туда попасть?

– Можете доехать на автобусе, если у вас нет денег на такси.

Хоан не смог заставить себя спросить, откуда уходит автобус.

Один из пассажиров автобуса показал на желтые бараки, разбросанные на выжженной местности, совершенно непохожей на благословенную идиллию остальной части пути. Постройки были сравнительно новые, окруженные оградой из стальной сетки, перед ними стояли информационные указатели в человеческий рост.

– Не заблудитесь, – сказал неожиданно разговорчивый попутчик Хоана.

От того, что все надписи на указателях были написаны греческими буквами, Хоану не стало легче, как и от того, что нигде в интернете он не смог найти телефонов этого учреждения или хотя бы имен кого-то из сотрудников.

Поэтому он обратился к первому встреченному им в воротах человеку наивежливым образом, уже хорошо обученный тому, что наличие формы в этих краях дает ее обладателю право быть весьма высокомерным. Отказ мог бы иметь для Хоана фатальные последствия.

– Да-да, конечно. Вы ведь Хоан Айгуадэр из газеты «Орес дель диа» в Испании, как я полагаю. Мы вас ждем, господин Айгуадэр. Иммиграционный офицер в аэропорту Ларнаки был так любезен, что позвонил нам и предупредил о вашем прибытии.

Человек сердечно протянул руку. Хоан был поражен.

– Мы всегда радуемся, когда мир интересуется нашими проблемами. Видите ли, нашей маленькой стране очень трудно принимать так много беженцев.

Хоан вспомнил вспотевшего офицера в аэропорту с неожиданной симпатией. «Когда буду возвращаться, подарю ему бутылку семизвездочной метаксы», – мелькнула у него мысль, но тут же в эти размышления вмешались финансовые соображения. И Хоан решил, что в качестве благодарности хорошо подойдет и пятизвездочная метакса.

– В прошлом году мы приняли четыре тысячи пятьсот восемьдесят двух беженцев, – продолжил сотрудник центра. – Большинство, конечно, сирийцы, и мы совершенно не справляемся с таким потоком. Тысяча сто двадцать три дела еще не рассмотрены, что вдвое превы-

шает показатель в конце предыдущего года. Поэтому мы рады вниманию. Хотите совершить экскурсию?

– Спасибо. Но интереснее всего мне встретиться со вчерашними выжившими. Это можно устроить?

Кончики губ его собеседника дрогнули: похоже, это не стояло первым номером в программе, однако он пошел навстречу.

– Конечно. Но уже после экскурсии, хорошо?

Сотни внимательных настороженных взглядов встречали его, исполненные отчаяния и надежды. Что для каждого из них означал его приезд? Что он из международной гуманитарной организации?

Беженцы сидели на корточках во дворе вдоль стальной сетки ограды или в больших комнатах, окрашенных в землистый цвет; стульев было мало, столы стальные. В спальнях те же самые коричневые цвета; на многоярусных койках лежали мужчины, подложив руки под голову, и смотрели с таким же вопросительным выражением, что и люди снаружи: ты кто? Ты думаешь, что попал в зоопарк? Ты что-нибудь можешь? Например, помочь нам? Скоро ты уберешься отсюда?

– Как видите, мы очень большое значение придаем тому, чтобы обстановка здесь была современной и стильной, унылые дни пребывания беженцев в десятом корпусе центральной тюрьмы Никосии, к счастью, остались позади. Там было очень мрачно, недостаточно света, маленькие переполненные камеры. О нашем заведении такого не скажешь, – сообщил сотрудник информационного отдела и взглядом поприветствовал ближайших к нему беженцев, но те на его взгляд не ответили. – Того количества вещей, которое у них было с собой, конечно, недостаточно для длительного пребывания, поэтому мы организовали сбор одежды. Кроме того, у нас есть гигиеническая бригада, которая занимается стиркой.

«Вот об этом я точно не буду говорить», – подумал Хоан, но вслух сказал:

– Я упомяну об этом, когда буду писать статью. А те, кто прибыл вчера, где они?

Ответом был кивок.

– Нам пришлось изолировать их от остальных. Вам уже известно, что один из погибших был идентифицирован как террорист, объявленный в розыск, поэтому мы не хотим попасть впросак. Среди выживших могут быть и другие террористы. Мы это выясняем. Некоторых вызываем на допрос, чтобы проверить, верны ли их персональные истории.

– И вы это можете узнать?

– Да, у нас это хорошо получается.

Хоан остановился на мгновение, вынул фотоаппарат и порылся в своем фотоархиве.

– Мне было бы интересно поговорить вот с этими двумя женщинами. – Он показал фотографию двух женщин с испуганными лицами, которые стояли около чернобородого мужчины. – Они сильно переживали, когда вытаскивали на берег пожилую женщину, о которой я написал в своей статье. Мне кажется, они могли бы еще что-то рассказать о ней.

Сотрудник отдела информации изменился в лице.

– Но ей в шею воткнули нож, вы ведь это знаете?

– Да, знаю. Полиция ничего не сумела выяснить, и я хочу попытаться сделать это сам. Понять, кто это сделал и почему. Поэтому я и приехал.

– Вам ведь известно, что в нашем лагере мы соблюдаем все международные стандарты обращения с мигрантами, верно? Что закон номер 153 от 2011 года не противоречит директивам Совета министров 2008 года, за исключением пункта о задержании на срок более шести месяцев.

Хоан встряхнул головой. Зачем он сейчас это говорит?

– Конечно, – сказал он.

Мужчина облегченно вздохнул.

– Мы совсем не хотим задерживать здесь мигрантов. На самом деле мы были бы счастливы отделаться ото всех сразу и как можно скорее. Но как только их регистрируют здесь, они повисают на нас мертвым грузом. И мы не можем выпустить тех, кто не проверен, это следует понимать. Среди них могут быть террористы, уголовники, фундаменталисты, люди, которым никто в Европе не хочет дать приюта. Хотя наши ресурсы не безграничны, мы пытаемся разобратся во всем. У нас на острове было достаточно неприятностей даже за то время, что я здесь.

– Это я понимаю, но женщины и дети не могут быть в чем-то виновны.

– Дети – возможно, но женщины... – Он хмыкнул. – Их могут заставить. Ими могут манипулировать. Иногда они бывают более фанатичны, чем мужчины. Поэтому нет, они не являются невинными априори.

Он показал на корпус, находившийся с другой стороны двора.

– Мы пойдем туда. Мужчины живут отдельно от женщин. Вы, как я понимаю, хотите попасть в женское отделение.

Там было очень тихо. Раздавались приглушенные женские голоса, тихий плач. Женщины провожали его умоляющими взглядами, одна кормила грудью младенца, других детей не было.

– А где дети? – спросил Хоан.

– Кроме этого младенца, детей тут нет. Насколько нам известно, была еще пятилетняя девочка у одной женщины, но ребенок, по-видимому, утрачен.

Хоан посмотрел на лица женщин. «Утрачен, – подумал он, – какое циничное обозначение. Разве не объясняет оно весь этот кошмар гораздо лучше, чем все остальное?»

– Здесь находятся все женщины, которые поступили позавчера?

– Нет, две из них сейчас на допросе. Их увели вон туда. – Он показал на двери. – На допрос всегда вызывают по два человека одновременно.

Хоан сравнил свои фотографии с лицами тех, кого он только что увидел. Насколько он мог судить, ни одна из них не была похожа на тех, которые так переживали, когда тело пожилой женщины выносили на берег.

– Женщин, которых я ищу, здесь нет. Можно заглянуть в помещения для допросов?

Служащий в сомнениях pokrutil головой.

– М-да, на несколько секунд, пожалуй, можно. Мы не должны мешать.

Он осторожно открыл первую дверь. Женщина в форме сидела спиной к двери за столом, на котором лежали любительские фотографии с изображением нескольких мужчин. Перед ней стояла дымящаяся чашка, а перед женщиной в платке, устремившей взгляд на Хоана, ничего не было. И она не была одной из тех, кого он искал.

Хоан задумался. А что, если этих женщин вообще нет в лагере? Но где же они тогда? Прошлой ночью они внезапно куда-то пропали, он не смог обнаружить их в группе выживших, а теперь где их искать? Кто же расскажет ему теперь историю убитой женщины?

Через минуту Хоан получил подтверждение своим опасениям. Женщина на втором допросе тоже не была одной из тех, кого он вчера сфотографировал.

– Вы уверены, что интернированные женщины из той лодки находятся именно в лагере Меноея? – спросил Хоан, когда они вернулись в общую комнату.

– Да, абсолютно. Раньше нелегальных мигрантов содержали в девяти полицейских участках на острове, в частности в Лимасоле, Арадипу и Ороклини, но теперь не так. Все, кого задержали в ту ночь, должны находиться в этом лагере.

Хоан посмотрел на дисплей фотоаппарата и увеличил лица двух женщин. Потом протянул фотоаппарат вперед и показал дисплей ближайшим от него женщинам.

Те медленно перевели взгляды на фотографию. Мгновение спустя все отрицательно покачали головой. Но одна из них, находившаяся чуть в стороне, едва заметно кивнула.

– Да, эти две сидели в лодке впереди, – сказала она по-английски. Потом показала назад на другую женщину. – Она тоже сидела впереди, держа свою маленькую дочь на коленях, рядом с ними. Но я думаю, вы не очень много узнаете от нее. Она в полном расстройстве из-за потери своей дочери.

Женщина, на которую она показала, была одета в цветное платье, разорванное на боку. Красные царапины на ребрах кровоточили, заметные ссадины свидетельствовали о тяжелых испытаниях, через которые ей пришлось пройти. Прижав руку к ключице, она безучастно посмотрела на подошедшего к ней Хоана и не ответила на его приветствие.

– Я очень сожалею, что вам не удалось узнать, где ваша дочь, – начал он.

Она не отреагировала, возможно, она не понимала по-английски.

– Вы понимаете, что я говорю? – спросил он.

Что-то мелькнуло в ее лице, подтверждение?

Он протянул ей фотоаппарат:

– Узнаете этих двух женщин?

Она апатично посмотрела на фотографию и пожала плечами. Он спросил снова и получил такой же ответ. Она была погружена в свои горестные мысли.

Хоан высоко поднял фотоаппарат и спросил еще раз:

– Кто-нибудь из вас знает этих двух женщин? Они были в лодке вместе с вами.

– Дай мне тысячу евро, и я скажу, – столь же монотонно сказала женщина в разорванном цветном платье.

Хоан нахмурился. Тысячу евро? Она сумасшедшая?

– Я знаю, кто они. Дашь деньги, я скажу. Ты не единственный, кто хочет заработать на нашем горе.

Черты ее лица неожиданно обострились. Вялые губы стали жесткими, резче обозначились на лице морщины, ставшие следствием бесконечных несчастий, сопровождавших ее короткую жизнь.

– Столько денег у меня нет, но я дам тебе десять евро.

– Послушайте, Хоан Айгуадэр! – зашептал его спутник и потянул за рукав. – Не надо этого делать. Только начни, и конца не будет. Женщин, которых вы ищете, здесь все равно нет.

Хоан кивнул. Он ожидал, возможно, что его предложение, даже столь малое, будет встречено жадными взглядами и протянутыми руками, но все глаза вокруг выражали только презрение и неприязнь. И все же он сунул руку в бумажник и выловил купюру в пятьдесят евро.

– Мне сегодня вечером будет нечего есть, но вот, пожалуйста.

Женщина молча взяла ее.

– Дай мне еще раз посмотреть. Другие фотографии есть?

Хоан прокрутил назад к первой фотографии, где женщины плача прижимались друг к другу, а мужчина с бородой ухватился за мокрую курточку одной из женщин.

– Вот эта свинья убила старую женщину. – Она показала на мужчину с бородой. – И он был вместе с этими двумя женщинами, это я точно знаю. И можешь быть уверен, что он, конечно, уже сбрил свою бороду, как и другой, который утонул.

9 Хоан

День тринадцатый

Покинув лагерь интернированных, Хоан остановился, чтобы собраться с мыслями. Автобус в Ларнаку уходил не скоро, поэтому он решил зафиксировать полученную информацию в своем диктофоне.

После того как женщина указала на бородатого мужчину, атмосфера в помещении внезапно накалилась. Многие стали дергать Хоана за рукав, чтобы тоже взглянуть на фотографию, слышались проклятия и крики. Некоторые женщины плевали на фотоаппарат в его руке. Если бы бородатый мужчина находился здесь, его растерзали бы.

Потом одна из беженек сказала, что старая женщина, как, вероятно, и большинство находившихся в лодке, прибыла из местности, прилегающей к Саб-Абару или расположенной немного севернее. А у двух женщин помоложе на фотографии Хоана диалект был другим, не такой, как у всех остальных. В их речи странным образом сочетались деревенские выражения и слабый иностранный акцент. Возможно, они происходили из Ирака. Про них мало что было известно, кроме того, что это мать и дочь.

– Но навряд ли это так, – добавила другая женщина, сообщив, что дочь выглядела старше своей матери.

– Состаришься, когда тебя все время насилюют, – крикнула еще одна.

После этих слов женщины начали шептаться и кивать, многие кричали что-то по-арабски, перебивая друг друга, видимо делясь ужасными воспоминаниями.

– Так что же случилось со старой женщиной? – спросил Хоан у женщины в цветном платье, когда крики прекратились.

– Я уверена, что она была знакома с этим мужчиной и тех двух женщин она тоже знала. Три эти женщины подчинялись ему и явно боялись его. Он отдавал распоряжения, бил их, когда они не слушались. Я точно не знаю, почему он убил старую женщину, но я видела, что она была уже мертва, когда резиновая лодка дала течь.

Она обернулась к другим женщинам и стала по-арабски задавать какие-то вопросы, несколько женщин что-то сердито отвечали ей. И вдруг прямо перед Хоаном началась драка. Две женщины стали бить друг друга, а потом вцепились грязными ногтями в лицо и волосы. Схватка перекинулась на всю комнату, громкая ругань перешла в пощечины, затем в мощные удары по телу и лицу. Хоан понять не мог, что происходит. Ситуация явно вышла из-под контроля, когда первые окровавленные женщины рухнули на пол.

Двери из комнат для допросов вдруг распахнулись, оттуда выбежали мужчины в форме и с решительными лицами набросились на ближайших женщин с кулаками, пытаясь таким образом их утихомирить.

– Боюсь, вам сейчас придется уйти, – сказал сотрудник отдела информации. – Вы их спровоцировали на это безобразие. Надеюсь, вы полностью удовлетворены.

Хоан пожал плечами. Он пожертвовал пятьдесят евро, а что, собственно, получил, чтобы двигаться дальше? Ничего! Так что он точно не был полностью удовлетворен, но у него появилась ясная цель.

Этот человек с черной бородой был убийцей жертвы номер 2117. И ничто не мешало Хоану искать его.

Хотя сказать легче, чем сделать.

Хоан выключил диктофон и посмотрел на выжженную местность вокруг лагеря. Что делать теперь? Двух женщин и убийцы за стальной сеткой нет, но где они? Греческая часть ост-

рова длиной сто шестьдесят и шириной восемьдесят километров, на севере – турецкая часть. Они могли находиться где угодно. Бывало, что в горах Тродос прятали людей, когда не хотели, чтобы их нашли, а если были помощники, то можно было тем или иным способом перебраться в турецкую зону. Хоан сам был гражданином страны, входящей в ЕС, при этом не греком, поэтому смог бы получить туда визу, но что он будет делать там, если у него нет никакой наводки?

Хоан глубоко вдохнул сухой воздух, чувствуя свое полное бессилие. В его распоряжении оставалось тринадцать дней, и он уже потратил порядочную часть своего скромного бюджета.

Хоан вернулся к ограде. Что, если снова войти туда и попросить разрешения посетить мужское отделение? Может быть, появится возможность получить дополнительную информацию. Но захотят ли его впускать, пока продолжаются допросы?

Он вспомнил выражение лица редакторши, когда та выдвигала свой ультиматум, и принял единственно возможное в этой ситуации решение. Начиная с этого момента он будет нести бред сивой кобылы и выдаст трогательную красочную историю о старой женщине и ее несчастной судьбе. Он установил, что ее убил мужчина, который также издевался и над двумя другими женщинами. Остается сочинить какую-нибудь концовку. Что касается мотива для убийства, то за этим дело тоже не станет, нехватки фантазии у Хоана никогда не наблюдалось.

Это ведь и правда перспективная идея. Газеты всего мира купят продолжение истории об убийце на свободе, в особенности теперь, когда благодаря фотографии его можно будет идентифицировать. А если в редакции найдется специалист, то там пропустят фотографию через фотешоп и покажут мужчину в безбородом варианте.

Поэтому он отправится в Никосию и начнет продвигать сочиненную им историю с использованием фольклора и эпизодов гражданской войны, которые связаны со становлением Кипра как независимого государства. Хоан твердо решил, что не останется должен ни одного евро редакции, когда вернется в Барселону. Может быть, ему удастся найти кого-нибудь здесь, на острове, чтобы подзаработать, так что он наскребет небольшую сумму, благодаря которой сможет какое-то время посидеть дома, пока не подыщет новую работу.

Тут же оставалось только сделать несколько снимков лагеря беженцев, после чего он найдет себе какой-нибудь пристойный отель и насладится мягкой постелью.

Он как раз собрался снимать, когда увидел женщину с ведром для мытья полов, которая шла через двор прямо к нему.

Когда он захотел сфотографировать ее, чтобы придать репортажу побольше местного колорита, она застыла и подняла руку в знак протеста.

– Будем делать все быстро, – сказала она, дойдя до ограды. Это была та, что кричала о разнице возраста двух исчезнувших женщин. – Дай мне сто евро, и я расскажу тебе то, что знаю, а это больше, чем могут рассказать все другие.

– Но я... – только и успел он сказать, как она просунула пальцы сквозь сетку ограды.

– Я знаю, кто этот человек. И знаю, что случилось, поторопись. – Она пошевелила пальцами. – Они не должны видеть меня здесь.

– Кто, персонал?

– Вовсе нет. Половину денег я отдам охраннику, так что персонал в курсе дела. Я боюсь других женщин. Они сейчас выйдут на прогулку, и если увидят, что я с тобой разговариваю, то меня убьют.

– Убьют? – Хоан стал торопливо искать портмоне.

– Тут есть женщины, которые не такие, как мы, их прислали бандиты, они с нами не разговаривают. Они бежали от сирийской армии и должны устраивать повсюду в Европе теракты. В тех странах, куда их пошлют в соответствии с квотами.

Хоан покачал головой, история казалась невероятной.

– Ты получишь сейчас пятьдесят евро, а если твой рассказ будет убедительным, то еще пятьдесят, хорошо? – Ему пригодится все, что сделает историю более сенсационной.

Она сунула купюру под свой платок.

– Я слышала, как старая женщина назвала мужчину с бородой по имени, и уверена, что именно по этой причине он с ней разделался. Он сохранял это в тайне, потому что он террорист, как и тот второй, который утонул. Единственная причина, по которой они взяли нас с собой в плавание, чтобы они могли потом раствориться в толпе, только поэтому.

– Как его имя?

Она просунула пальцы сквозь сетку.

– Сначала вторые пятьдесят, поторопись. – Она пнула сандалией сухую траву, поднялось облако пыли. – Я скажу еще кое-то.

– Как я узнаю, что ты не врешь?

Она оглянулась. Если она так боится, то должна быть реальная причина?

Когда он протянул вторую купюру, она спрятала ее на груди. Значит, эту она возьмет себе.

– Когда наша группа собралась на берегу в Сирии в ожидании резиновой лодки, мужчина с бородой вышел вперед и стал распоряжаться, – сказала она. – Тогда он называл себя Абдул-Азим, то есть Слуга Всемогущего, но женщина, когда мы были уже в лодке, назвала его Галибом, что значит Победитель. Он разозлился и не раздумывая вонзил ей шило в шею. Он прекрасно знал, что и как делать, казалось, что он готовился к этому. Кровь застыла в моих жилах в этот момент, но, к счастью, он меня не заметил. – Она закрыла руками рот, чтобы не вырвался крик ужаса.

– Что значит «готовился»?

– А шило, которое вдруг оказалось в его руке? А его поза рядом с той женщиной, чтобы удобнее было проткнуть ей шею? И после этого он сразу же вонзил шило в лодку.

– Но что же женщины, которые были вместе с убитой? Почему они не вмешались?

– Они сидели спиной и не видели происходившего, но закричали, когда, обернувшись, увидели, что она исчезает в море. Младшая хотела прыгнуть следом, но Галиб удержал ее. Когда тело выбросило на берег, женщины обвинили его в ее смерти, но он приказал им замолчать и сказал, что им надо быть осторожными, иначе их постигнет та же участь.

– Откуда ты это знаешь? Может быть, ты говоришь так, только чтобы получить деньги? Почему я должен тебе верить?

Выражение ее лица с быстротой молнии изменилось, волнение обратилось в гнев.

– Покажи мне еще раз фотографию мужчины и двух женщин!

Хоан прокрутил фотографии на дисплее.

– Вот эта?

– Видишь двух женщин и мужчину! А теперь посмотри, кто стоит за ними. Это я. Я слышала все, что они говорили.

Хоан увеличил масштаб. Ее черты были не очень четкие, но это была ОНА. И внезапно эта тщедушная, испуганная женщина стала его главным свидетелем, мечтой любого журналиста, первоисточником и доказательством надежности истории. Воистину фантастика.

– Как твое имя?

– Зачем тебе это? Хочешь, чтобы меня убили? – И она пошла прочь от ограды, качая головой.

– Куда пропали те две женщины и мужчина? – крикнул Хоан ей вслед. – Ты видела, как они отошли от этой группы и от тех, кто их охранял?

Она остановилась на расстоянии десяти метров.

– Этого я не знаю, но я видела фотографа в синей форменной куртке, которому Галиб подавал какие-то знаки. Сначала он был рядом с нашей группой и снимал Галиба и двух женщин, потом спустился вниз и сфотографировал тело старой женщины, которое волны выбро-

сили на берег. Судя по всему, Галиба это обрадовало. Он ничего не сказал, но я думаю, его устраивало, что тело выбросило на берег в это время и именно здесь.

– Этого я не понимаю, ведь он убил ее. Разве не лучше было бы для него, если бы она исчезла навсегда?

– Это зрелище сломало двух женщин, и это было в его интересах, я так думаю.

– Ты хочешь сказать, что фотографирование его самого, двух женщин и тела убитой было устроено намеренно?

Она оглянулась и кивнула.

– Но зачем? – сказал Хоан. – Он беженец и должен исчезнуть в неизвестном направлении. Нет никакого интереса для него быть идентифицированным.

– Я думаю, что есть кто-то, кому посылали сигнал, что он жив. Но как я поняла, ты уже позаботился о том, чтобы вся Европа была в курсе событий. Поэтому немецкий фотограф, мне кажется, уже не был нужен Галибу.

– Немецкий фотограф. Он был немец?

– Да. Он ненадолго подошел к нам и сказал Галибу несколько слов по-немецки. Он показывал на тебя, когда ты был около тела женщины, и тогда Галиб что-то передал ему, но я не видела что.

Она вздрогнула, когда хлопнула дверь постройки, и тут же побежала. Без объяснений, не попрощавшись. Она не хотела, чтобы ее увидели.

Вопреки ее желанию, Хоан успел сфотографировать ее, когда она бежала с развевающимся платьем.

Пансионат в Никосии, расположенный в двух зданиях от улицы Ледрас, обошелся в сорок евро за ночь, так что он мог провести здесь несколько дней, не перенапрягая свой бюджет. В данный момент у него было достаточно материалов, чтобы отправить это в «Орес дель диа», но, быть может, дальнейшие поиски принесут и новые плоды.

Summa summagum² он получил одну хорошую наводку, по которой можно было двигаться, хотя след был размытым. Лысый, говорящий по-немецки фотограф в синей форменной куртке. Насколько помнил Хоан, он даже сделал один-два снимка этого фотографа.

Хоан положил фотоаппарат на колени и пару раз откусил сэндвич с ветчиной. Теперь, когда он перебросил все свои фотографии и в мобильник, и в лэптоп, стало безопасно копаться в файлах самого фотоаппарата. Очевидно, ему следует попытаться стать штатным сотрудником «Орес дель диа». Ибо именно благодаря ему об этой жалкой газетенке заговорили во всем мире. Это дало акционерам газеты такие хорошие доходы, что, безусловно, имеет смысл потребовать штатную должность и потом уже продолжить это расследование. Монтсе Виго вовсе не божество, поэтому какой смысл бояться требовать у него нечто само собой разумеющееся?

Хоан расхохотался, представив себе разгневанное лицо Виго. Просматривая дальше фотографии, он остановился на снимке, где был изображен немецкий фотограф.

Хоан нахмурился, потому что картинка была не очень качественной. Если не считать согнутой спины и куртки, похожей на какую-то форму, цепляться было не за что. Даже висок лысой головы был почти не виден, потому что мужчина изогнулся над телом, делая снимок.

Черт, черт, черт.

Хоан покачал головой и максимально приблизил лицо к маленькому дисплею фотоаппарата. Почему куртка воспринималась как часть униформы? Покрой? Особенный синий цвет? Черный воротник и черные обшлага или, может быть, покрой рукавов? А что, если предположить, что куртка была куплена на складе ненужного обмундирования? И был ли такой склад в городе? Хоан очень в этом сомневался.

² В итоге (лат.).

Он открыл компьютер и стал гуглить в поисках места, где можно было купить такую униформу. По-видимому, в Никосии не было магазинов со специализацией по военному обмундированию. Не исключено, что фотограф ходил в этой куртке долгие годы, а куплена она была не в Никосии.

Хоан вздохнул и снова нашел серию фото из Айя-Напы. Он ведь снимал, когда фотограф стоял около погибших на берегу? Нет, не снимал его, вот черт, почему он не снимал?

Хоан вернулся к снимку со склонившимся над телом фотографом. Неужели никто не в состоянии помочь найти его?

Он присмотрелся повнимательнее. Пожалуй, куртка не обязательно была частью военной формы, скорее блейзер гражданского типа. Материалом была, похоже, шерсть, какую использовали во время Первой мировой войны, но настолько старой она не могла быть, а в современной армии таких и в помине не было.

Если сделать предположение, что немец купил немецкое обмундирование в Германии, то кого об этом спросить? И вообще, как «черный воротник» и «синяя форма» звучат по-немецки?

После некоторых поисков выяснилось: «schwarzer Kragen» и «blaue Uniform», так считал гугл-переводчик.

Можно приступать. Хоан стал искать и сразу же нашел массу сайтов, на которых люди обсуждали униформу всех видов и делились информацией, откуда та или другая. Он выложил свой снимок фотографа в синей куртке и написал: «Кто-нибудь может сказать, чья это форма?»

Когда он закончил, была уже ночь.

Ответ появился на дисплее следующим утром. Когда Хоан открыл глаза, он почувствовал нестерпимую жару, в глаза ему бил свет, из-за которого тени в маленькой комнате казались еще чернее. Парочка утомленных гекконов, разомлев, устроилась наверху под перекладинами штор в ожидании вечерней прохлады.

«Ich weiss nicht wie alt diese Photo ist, aber mein Vater hat so eine gehabt. Seit zehn Jahren ist er pensioniert von der Strassenbahn München. Es ist ganz bestimmt dieselbe»³.

Женщина подписалась Гизела Варберг, немка, значит, так оно и есть.

Хоан вскочил с постели и стал делать перевод через компьютер. Ей было неизвестно, насколько старая фотография, но она узнала униформу, в которой ее отец работал кондуктором в мюнхенском трамвае.

«О боже, что мне делать, что мне делать?» – заметался Хоан, потом стал гуглить: «Uniform Strassenbahn München». Хоан ожидал, что, возможно, придется искать несколько часов, но уже спустя несколько секунд сайт eBay предложит ему на продажу униформу, в точности такую, какая была на фотографе.

«Alte Schaffnertasche, Uniform, Abzeichen, Strassenbahn München Trambahn, 399,00 Euro»⁴.

Голова Хоана упала на подушку. Понятно, что униформа та самая, но какого черта ему теперь делать? Прилететь в Барселону с блокнотом, полным записей и каких-то предположений, которые могут превратиться в две-три тематические статьи? Нет, этого недостаточно. Но как найти этого лысого мужчину в униформе и при встрече доказывать его связь с пропавшим беженцем, который, возможно, является джихадистом и прячется в Европе бог знает где?

В дверь комнаты Хоана постучали.

³ Я не знаю, насколько стара эта фотография, но у моего отца была такая же форма. Десять лет тому назад он вышел на пенсию после работы кондуктором в мюнхенском трамвае. Это определенно та самая (нем.).

⁴ Старая сумка кондуктора, униформа, нашивки мюнхенского трамвайного парка, 399,00 евро (нем.).

Мальчик, стоявший снаружи, несколько секунд растерянно смотрел на одеяние Хоана в виде простыни, прикрывавшей голое тело, но потом все же отдал ему конверт, лежавший в руке. Когда Хоан взял конверт, мальчик в тот же момент словно испарился. Хоан не успел даже крикнуть вслед, как тот одним махом перескочил через ступеньки и исчез.

Внутри конверта была завернутая в листок бумаги фотография.

Хоан развернул листок и, бросив беглый взгляд, понял, что в этом виноват он.

Закрыв глаза, он несколько раз судорожно сглотнул и снова посмотрел на снимок. Труп лежал на спине с перерезанным горлом и мертвыми остекленевшими глазами. Две купюры были вставлены между бледных губ. Две купюры по пятьдесят евро.

Хоан отбросил фотографию от себя на кровать и посмотрел в сторону, борясь с ощущениями тошноты. Из-за жалких пятидесяти евро эта женщина решила рискнуть жизнью и проиграла. Если он напишет, что именно привело бедную женщину к смерти, все обвинения будут направлены против него. Потому что яснее ясного, что, если бы он не ввязался в эту историю, она была бы жива.

Хоан посмотрел в пустоту. Но ведь он ввязался.

Он долго крутил в руке листок, потом взял себя в руки и прочитал написанный по-английски текст.

Хоан Айгуадэр, мы знаем, кто ты, но ты можешь не бояться, если будешь делать то, что мы скажем.

Иди своим путем и пиши обо всем в свою газету. До тех пор пока мы знаем, что мы впереди, мы будем давать тебе директивы, что делать. И пока ты не сдашься, мы позволим тебе жить.

И не забудь сообщить миру, что, когда мы нанесем удар, это будет очень болезненно.

Ты о нас услышишь.

Абдул-Азим, шагающий на север.

10 Асад

Асад дрожал всем телом, но что это было? Сновидение или реальность?

Он видел очень отчетливо, как его дочери стояли в дверях, одетые в платья цвета лаванды, Нелле шесть лет, Ронье – пять. Изыщными плавными движениями они махали ему, а заболевшая Марва стояла между ними со слезами на глазах, держа руки на округлившемся животе с третьим ребенком. Взглядом она прошалась. Это было не прощание любящей четы перед кратковременным расставанием, а безутешное расставание, которое до сих пор отзывалось в душе Асада непомерной болью; через мгновение служба безопасности Садама посадила его в черный фургон. Происходило это шесть тысяч суток тому назад. Ночи и дни, лета и зимы, наполненные болью в бесчисленные мгновения, когда мысли вспыхивали, не получая ответа на вопрос, где же его семья. И вдруг сейчас он стоял тут, удивленный и обессиленный, перед ошеломляющей ясностью, от которой чуть не остановилось сердце. Шестнадцать ужасных лет неведенья исчезли из его сознания за доли секунды, потому что он наконец получил информацию, что они живы.

Картинка сменилась, Марва опять перед ним, но сейчас ей двадцать один год. Прекрасная, как лучезарный рассвет. Самир держит свою старшую сестру за талию и гордо улыбается. «Я не могу мечтать о зяте, который был бы лучше тебя, Заид, – говорит он. – От имени нашего отца я передаю в твои руки жизнь и судьбу Марвы и желаю, пусть к нам ко всем придет счастье, да будет благословен Аллах».

Она была плодovitой и верной женой. И все, о чем только маленький беженец из Ирака мог мечтать в своей жизни, осуществилось. Семь лет вместе, в полной гармонии с Богом и со всем миром, но затем все вдруг кончилось.

В полусне Асад прошептал ее имя и в ту же секунду почувствовал, как она прижалась к нему своим телом; испытал облегчение, он протянул ладонь назад и ощутил нежную кожу и тепло, жаркое дыхание спящей женщины, от которого его сердце могло то бешено биться, то замирать. Все тягостные мысли были вытеснены неудовлетворенной чувственностью и отсутствием близости в течение долгих лет; он обернулся и с закрытыми глазами вдохнул аромат женского тела. В таком полусонном состоянии его руки осторожно двинулись вдоль спины, в то время как ее дыхание становилось тяжелее и глубже. Кожа ее бедер была влажной и горячей, одним движением она повернулась и раздвинула ноги, чтобы он понял, что она восприняла его зов.

– Ты уверен? – откуда-то, неизвестно откуда, прозвучал ее шепот.

Асад приблизил лицо к ее лицу и ощутил, как ее горячие губы и язык с жадностью принимают его поцелуй, и ее руки скользнули вниз и разбудили его тело.

Когда он раскрыл глаза, его душили слезы, и он не знал почему. Словно это было предупреждением, что грядущий день ничего хорошего не принесет. Как ясное осознание того, что ты провалишься сегодня на экзамене, как подтверждение того, что накануне тебе поставили диагноз о неизлечимом раке или что твоя любимая изменила и бросила тебя. Как будто все в жизни рухнуло и ты погрузился в хаос. Вот так и было в этот полуреальный миг, когда он вдруг обнаружил, что, лежа на боку, смотрит на стену в квартире Розы, она сама, раздетая, рядом с ним, а в полуметре от его головы первая страница газеты с неотчетливой фотографией его давно пропавшей жены.

Такой была реальность, и Асад чуть не задохнулся.

На его плечо легла чья-то рука.

– Ты проснулся, Асад? – раздался тихий голос.

– Роза? – Он стиснул зубы и нахмурился. К таким мгновениям трудно быть подготовленным.

– Что случилось? – спросил он, не желая услышать ответ.

– Ты потерял сознание в постели, а потом был в беспамятстве и непрерывно рыдал. Я пыталась разбудить тебя, чтобы освободить от кошмара, но безуспешно, и я заснула. Ночью мы занимались любовью, и затем ты заснул спокойным глубоким сном, – невозмутимо продолжила она. – Это все. Но почему ты потерял сознание, Асад? Что с тобой?

Резким движением он поднялся и перевел взгляд с ее лица на газетную вырезку за спинкой кровати.

– Ты в курсе, что демонстрируешь мне своего смуглого дружка? – засмеялась она.

Асад опустил взгляд и потом с чувством вины посмотрел на нее.

– Я ведь не знал, где нахожусь. Ты – мой лучший друг, и если бы я знал...

Она поднялась на колени, по-прежнему полностью обнаженная, и приложила палец к его губам.

– Тсс, глупый мужчина. Ты все еще мой лучший друг. Мы ведь никому не изменяем, правда? Мы всего лишь два верблюда, пути которых пересеклись, so to speak⁵. – Она сердечно рассмеялась, но Асад не обрадовался ее шутке.

– Это не так, Роза. Мне есть кому изменять, именно это так подействовало на меня вчера.

Она прикрыла одеялом грудь.

– Я не понимаю, кому же ты изменяешь?

Асад встал, взял газетную вырезку и внимательно рассмотрел ее. Он много лет был верен своей любимой в надежде снова найти ее, и вот теперь, когда узнал, что она жива, в ту же ночь он отдался другой женщине.

Асад рассмотрел дату вверху вырезки. Это было всего несколько дней назад, и теперь он полностью убедился, что это В САМОМ ДЕЛЕ Марва. Она стояла в свете прожекторов, и лицо ее было искажено болью. Ему пришлось заставить себя смотреть на нее, в ее глазах было бессилие и чувство безнадежности, а по платью, висевшему на ней, и измученному лицу было видно, что жизнь ее была кошмарной. Но, несмотря на это, ему показалось, что в ней достаточно силы, чтобы защитить женщину, стоявшую рядом. Но кто же вторая? Определенно, взрослая женщина, хотя лица не было видно. «Ронья или Нелла, которые стали ростом выше Марвы?» – спросил он себя.

И снова его одолели рыдания. Асад не знал, как выглядят его собственные дочери. А если здесь стоит его дочь, то где же вторая? Где Нелла, где Ронья? Кто есть кто?

⁵ Скажем так (англ.).

11

Карл

– Взгляни-ка сюда, Карл, – сказал Гордон с белым, как снег, лицом. Он показал некрупное, с красноватым оттенком, выпуклое пятно на щеке. – Боюсь, что это рак кожи, потому что этим летом я очень много бывал на солнце.

Карл рассмотрел поближе. Вид действительно был непривлекательный.

– Насколько я могу судить, тебе лучше держать свои лапы подальше от него, я давно не видел такой мерзости.

Потерянный голос Гордона задрожал:

– Не трогать, значит? Так это все-таки раковая опухоль?

– Я ведь не дипломированный медик, правда? Но могу тебе сказать, что если ты его будешь терзать, то выльется море гноя, а мне здесь этого не надо. Это чертовски большой прыщ, Гордон.

Невероятно, сколько радости может появиться на лице человека при упоминании о море гноя.

– А еще что-то есть? Потому что дел у меня выше головы, – сказал Карл, и это не было абсолютной ложью. Потому что ему предстояло пожевать никотиновую жевательную резинку, положить ноги на стол и прикрыть глаза на время, пока на дисплее компьютера не появятся свежие новости.

Гордон постоял немного, приходя в себя, потом ответил:

– Да, а еще этот псих опять позвонил мне! Не проходит дня, чтобы он не звонил с рассказом, чем он занят.

– Вот как! – Карл вздохнул и протянул руку к пачке никотиновой жвачки. – Ну рассказывай, что этот идиот сообщил тебе сегодня?

– Он повторил, что когда достигнет цели, то отрубит отцу и матери голову своим самурайским мечом. Потом выйдет на улицу и будет рубить всех, кто окажется у него на пути.

– Самурайским мечом, как интересно. Он, может быть, японец?

– Нет, он датчанин, я думаю. Я записал разговор, хочешь послушать?

– Избави бог, спасибо, не надо! И ты снова подумал, что все это он говорит всерьез?

– Да, а иначе он не звонил бы каждый день, правда?

Карл зевнул.

– А лучше сообщи-ка ты о нем нашим коллегам наверху, Гордон. Тут, в подвале, нам незачем вешать на себя этого идиота. Милое будет дельце, если ты его не остановишь, а он возьмет да зарубит двадцать человек, а?

Гордон широко раскрыл глаза. Уж этого он точно не хотел.

– Ну вот! – Карл вздохнул еще раз, когда зазвонил телефон, и неохотно взял трубку. Звонили с третьего этажа. – Нужно немедленно явиться в командный пункт, – устало сказал он. Как жаль, придется обойтись без небольшого отдыха. – Похоже, нам через пять минут предстоит присутствовать на представлении преемника Бьорна. Попросим Всевышнего, чтобы им не стал Сигурд Хармс.

Уже второй раз на протяжении недели Карл стоял в зале руководства, зажатый толпой коллег, в облаке разнообразных запахов, и ему скорее хотелось послать все это к чертям собачьим. Разве обладатели выдающихся носов, изобретающие туалетную воду и духи, хоть раз подумали, что произойдет с их идеальными творениями, когда все эти запахи, призванные вызывать эйфорию чувств, отделятся от тела, которое целый день обливалось потом? Уж не

говоря о том, что тяжелая артиллерия стариков будет сочетаться с девичьими ароматами молодых коллег – вся эта дрянь вроде «Хуго Кляйна», или как там это дерьмо называется?

Начальница управления полиции вышла вперед.

– Может быть, кому-то покажется неэтичным, что я назову преемника раньше похорон Ларса Бьорна. Я не стала бы этого делать, но в отделе особо опасных преступлений накопилось очень много дел, и, кроме того, у меня уже есть предварительная договоренность относительно этой должности. Я совершенно уверена, что этот человек справится с ней лучше, чем любой другой.

– Значит, Терье Плоуг, – шепнул Карл Гордону.

Но Гордон покачал головой и показал назад. Там стоял Терье Плоуг, и он определенно не выглядел как человек, получивший повышение.

– Я уверена, все присутствующие согласятся, что выбор сделан совершенно правильно. – Начальница управления повернулась к двери своего кабинета. – Можешь войти, Маркус.

По залу пробежал шум, когда вышел Маркус Якобсен, бывший начальник отдела. Прошло шесть лет с тех пор, как он вышел на пенсию, чтобы ухаживать за своей больной раком женой. Его появление вызвало сначала пару аплодисментов, а через секунду оглушительные овации, свист и топот, чего никогда не наблюдалось раньше в этом торжественном интерьере.

Маркус был тронут, но секунду спустя он сунул пальцы в рот и издал такой свист, что проигнорировать его было невозможно.

– Спасибо, – сказал он, когда в зале наступила тишина. – Какой прием в момент возвращения! Я знаю, большинство считает, что я уже свое отслужил. Надеюсь, это не так. Думаю, несмотря на свой возраст, я могу еще немного потрудиться.

Он снова призвал всех к тишине, так как отовсюду опять послышались радостные крики.

– Я очень огорчен из-за того, что случилось с Ларсом Бьорном. Он был надежным товарищем и хорошим полицейским, и у него впереди было много лет жизни. Несколько часов назад я разговаривал с его вдовой Сусанной и поэтому знаю, что на их семью обрушился еще один удар. Йесс, брат Ларса, вчера покончил жизнь самоубийством.

Он помолчал немного, чтобы слушатели осмыслили это сообщение.

– Какое-то время я буду начальником отдела убийств после Бьорна. Я с гордостью беру на себя эту миссию и буду выполнять ее в духе отдела «А». С разрешения начальника управления полиции, я хотел бы все же называть отдел «А» отделом убийств, пока буду сидеть там, в угловом кабинете. Пусть за нами останется право называть место своей работы так, как нам нравится.

Его слова были встречены аплодисментами. Хлопал даже Карл.

Именно Гордон первым отреагировал на незнакомый аромат в подвале. Словно получив удар по голове, он остановился и пошевелил ноздрями. В любом случае запах был приятным.

– Роза? – с надеждой, чуть слышно произнес Гордон. Он не видел ее много месяцев, и именно для него ее трагедия стала самым сильным ударом. Но надежда, как известно, умирает последней, и часто она и есть то единственное, что остается человеку.

Карл похлопал его по плечу.

– Наверное, это Лиза из архива, Гордон. Не надейся, что Роза когда-нибудь явится сюда, в управление полиции. – Он хотел еще раз похлопать его по плечу, когда из кабинета Карла вышла Роза.

– Какого дьявола вы пропадаете, мы уже полчаса ждем вас?!

И это сказал человек, сам пропадавший целых два года!

– Какая радость, Роза! Добро пожаловать, даже если ты прибыла к нам с кратким визитом. – Карл широко улыбался, давая понять, как сильно ее не хватало тут.

Судя по выражению ее лица, приветствие Карла показалось ей чересчур бурным. А вот объятиями Гордона она осталась довольна – им двоим было что вспомнить.

– Мы устроились здесь, потому что тут много места. Заходите.

Карл хмыкнул. Два года ее не было, и вот опять, черт побери, она уже командует ими и хозяйничает в его кабинете. И вообще, что значит «мы»? Она что, имеет в виду Асада?

Так оно и было, они нашли Асада сидящим на месте Карла со следами слез на потемневшем лице.

– О боже, друг. Похоже, ты совсем не в себе. Это из-за Ларса и Йесса?

Тот тупо смотрел в пространство, но все-таки покачал головой.

– Смотрите! – Роза положила на стол Карла несколько газетных вырезок и на одной из них показала на женщину. – Асад действительно близок к помешательству, Карл, и понятно почему. На протяжении долгих лет он вешал нам лапшу на уши, мол, в Дании у него есть жена и дочери. Но разве мы когда-нибудь видели их? Когда-нибудь он рассказывал нам какие-то подробности о них? Он вообще говорил что-то про них в последние годы? Нет, ничего не говорил, но сегодня Асад решил рассказать мне правду о своей семье. Он потерял всякий контакт с женой Марвой и двумя дочерьми шестнадцать лет назад и постепенно привык к мысли, что их больше нет в живых. Но вчера случилось нечто неожиданное.

Карл нахмурился и посмотрел на отвернувшегося Асада.

– Да, вижу, ты уже понял, Карл, это правда, – сказала Роза. – Вчера вечером Асад обнаружил, что вот на этой вырезке фотография его жены Марвы.

Карл посмотрел на фотографию и прочитал текст, в котором рассказывалось об очередном трагическом бегстве через Средиземное море, в этом случае на Кипр.

– Ты уверен, Асад? – спросил он.

Асад обернулся и кивнул. Уголки его рта дрожали, глаза были пустые и мертвые. Он даже не моргал.

Карл не знал, как реагировать. Что бы он ни сказал сейчас, все будет неуместным. Они никогда и ничего толком не знали об этом человеке, который находился рядом с ними. И как теперь быть? Как жить с той правдой, которая наконец выплыла наружу?

– Ну хорошо, – сказал Карл и сделал небольшую паузу. – Значит, так ты об этом узнал, Асад, и тебе полегчало?

Асад долго сидел, собираясь с мыслями, прежде чем что-то сказать.

– Прости, Карл, мне действительно жаль, что так вышло, – наконец произнес он и положил ладонь на руку Карла.

Его рука полыхала огнем.

– Но так надо было, Карл. Я не мог по-другому.

– Прекрасно, но ведь больше такого не будет, я надеюсь?

– Нет, больше такого не будет.

– Гм... может, теперь ты расскажешь все как есть?

Роза слегка хлопнула Карла по плечу. Асад с каплями пота на лбу посмотрел Карлу прямо в глаза.

– Меня зовут Заид аль-Асади, – тихо начал он.

Уже начало ошеломило Карла. Заид? Аль-Асади? Какого черта? Он не уверен, что сможет это выговорить.

Похоже, Роза заметила его реакцию.

– Асад останется Асадом, Карл. Пусть он рассказывает.

Карл озадаченно качал головой. Можно подумать, он все эти годы только об этом и мечтал. Но Заид? Неужели он должен теперь называть его так?

– Мы ведь, наверное, все согласны, что Асаду надо дать время, сколько бы его ни потребовалось, чтобы он нашел свою Марву? – сказала Роза.

– Черт побери, ну конечно, – буркнул Карл. Она думает, он кто? Адольф Эйхман, что ли? – Асад, я искренне сочувствую тебе, – сказал он, и это была правда. – Тебе наверняка было тяжело.

Карл повернулся к Гордону и Розе. Неужели у этой железной женщины в глазах стояли слезы? А Гордон, смотревший на нее с нежностью, был похож на подростка утенка, который в конце концов забрался под крылышко мамы-утки. Хотя габариты Розы существенно изменились, она все еще была способна расшевелить это анемичное существо, и это было очевидно.

Карл сделал глубокий вдох, потому что следующий вопрос был весьма рискованным.

– Асад, ты должен понять, почему я спрашиваю прямо. Значит ли это, что все, что ты говорил нам о себе, было обманом? Я, конечно, прекрасно знал, что в прошлом у тебя были большие проблемы, о которых ты не хотел рассказывать, что у тебя много тайн. Но твой странный язык, всякие недоразумения, болтовня о Сирии. Что тут правда и вообще кто ты такой?

Асад выпрямился, сидя на стуле.

– Я рад, что ты спрашиваешь меня, Карл, иначе все было бы слишком сложно. Ты должен знать, что я твой друг, надеюсь, что ты – мой, и я никогда не говорил и не делал ничего такого, что могло бы нарушить эту дружбу. Большинство моих языковых недоразумений были вполне простительны, потому что, хотя сегодня я такой же датчанин, как и вы, почти всю свою жизнь я провел там, где не очень много говорят по-датски. У многих двуязычных так бывает, Карл. Но этот язык стал частью меня самого, – сказал он и пропустил пальцы через бороду. – Вы знаете, что случилось с верблюдом, который решил выучить арабский язык и целый день упражнялся, разгуливая среди верблюдов?

Карл удивленно посмотрел на него. Неужели в нем еще сохранились остатки юмора?

– Другие верблюды сочли его ненормальным и стали издеваться над ним, а бедуинам было невыносимо слушать этот ломаный арабский язык, который звучал ужасно. Все закончилось бифштексами.

Он улыбнулся, затем снова стал серьезным.

– Сегодня утром я обещал Розе, что расскажу вам мою историю в тех границах, которые, как мне кажется, сейчас нужны. Она слишком длинная, чтобы излагать ее целиком, но рано или поздно я расскажу вам все.

Карл посмотрел на Асада. Интересно узнать, сколько еще верблюдов будет им упомянуто.

– И Асаду нужна будет наша помощь, чтобы он смог найти Марву, вы согласны? – продолжила Роза.

Она сказала «НАША помощь»? Она вдруг снова стала частью их команды?

– Конечно, Асад, – произнес Гордон, а Карл попытался кивнуть более или менее естественно.

– Если мы вообще хоть чем-нибудь можем помочь, – добавил Карл, рассматривая газетную вырезку. – Это ведь за границей, а там мы не имеем права проводить расследования, верно?

– О-ох, брось ты, Карл, – сказала мама-утка. – Мы можем, черт побери, делать все, что угодно, если это не касается нашей работы. Продолжай, Асад.

Тот кивнул.

– Вам придется быть терпеливыми, потому что рассказ мой будет долгим. – Он сделал глубокий вдох. – Я могу начать с 1985 года. Прошло десять лет после нашего приезда в Данию. Я занимался гимнастикой, достиг хороших результатов. И вот тогда я подружился с Самиром, который был моложе меня на несколько лет. Вы его знаете, он сейчас полицейский. В 1988 году я окончил гимназию с языковым уклоном, потом был призван в армию. Дела мои пошли очень хорошо, и начальство рекомендовало меня в офицерскую школу, но я отказался и вместо этого стал сержантом военной полиции. Там я встретился с Ларсом Бьорном, преподававшим в школе военной полиции в городе Нёрресунбю. Он уговорил меня продолжить карьеру

офицера-переводчика, потому что я отлично знал арабский, немецкий, русский и английский языки. Я согласился и окончил школу...

Карл перебил его:

– Хорошо, это, по-видимому, объясняет твое пребывание в Прибалтике. Ты попал туда, когда распался Восточный блок?

– Да, тогда Дания вообразила себя великой державой и вкачивала в Прибалтику миллиарды. Так что в 1992 году я был в Эстонии и Латвии, позже в Литве. Там я встретил Йесса, брата Ларса Бьорна, он был офицером спецслужб, и короткое время я работал на него. – Асад прикусил губу и вздохнул. – Мы довольно быстро подружились, он был как бы моим наставником и порекомендовал меня в школу спецназа.

– Почему?

– Он сам был спецназовец и решил, что я могу быть кандидатом.

– И ты попал туда?

– Да, я был одним из тех, кто прошел.

Карл улыбнулся. Ну уж конечно, прошел.

– Там много чему можно научиться, как я слышал.

Асад задумался.

– Вы знаете девиз спецназовцев: «Plus esse, quam simultatur»? – спросил он.

И Роза, и Карл покачали головой. Латинский язык был не тем, что больше всего занимало крестьянского парня из Брённерслева.

– Это не... – начал было Гордон.

Асад улыбнулся.

– Это значит: «Важнее быть, чем казаться». Понимаете? Там могут научить молчать при любых обстоятельствах. Но, помимо этого, были и другие, более весомые причины, что я не рассказывал вам ничего, Карл. Надеюсь, вы понимаете. Я делал это прежде всего, чтобы защитить свою семью и, кроме того, чтобы защитить себя.

– Хорошо, мы попытаемся понять это, Асад, но тебе придется приподнять завесу... Потому что, если ты хочешь, чтобы мы тебе помогли, ты должен полностью раскрыть свои секреты. И мы уже...

Карл не успел уклониться, как Роза дала ему подзатыльник.

– Перестань давить, Карл. Он все расскажет, неужели ты не понимаешь?

Карл схватился за затылок. Ну ладно, пусть эта ведьма уже не работает на него. Но кто ей позволил прерывать его? Если нашлась бы африканская страна, где любят женщин-диктаторов, она там отлично устроилась бы.

– В тот момент у меня были все данные для того, чтобы получить назначение в качестве наблюдателя и переводчика в область Тузла в Боснии в 1992 году в самый разгар гражданской войны между мусульманами и сербскими боснийцами, – продолжил Асад. – И я впервые стал свидетелем того, какими отвратительными и жестокими могут быть люди.

– Да, то, что там происходило, было вроде болезни! – заметил Гордон.

Асад усмехнулся, и на его лице появилось выражение, какого Карл никогда раньше не видел.

– Я твердо усвоил тогда, что выживание на войне полностью зависит от того, насколько человек в состоянии предвидеть события. Я возненавидел тогда все кругом, и, когда вернулся домой, быть солдатом мне уже не хотелось. Мне нужно было искать другое дело в жизни. И тут мне предложили стать инструктором в школе спецназа в Ольборге, и я согласился. Это оказалось правильным решением. – Он кивнул и улыбнулся. – Я ведь был холостяком. И для таких людей лучше Ольборга города не найти. Но, приехав на выходной в Копенгаген к родителям и моему старому другу Самире Гази, я впервые встретил там его старшую сестру Марву

и безумно влюбился. Могу сказать, что последующие семь лет были самыми лучшими в моей жизни.

Он опустил голову и несколько раз сглотнул.

– Хочешь пить? – спросила Роза.

Он покачал головой.

– Мы поженились, и Марва переехала в Ольборг. В следующие два года у нас родились Нелла и Ронья. Мне в общем нравилось работать инструктором. Я остался бы в Ольборге, но однажды в новогоднюю ночь неожиданно умер мой отец, и мы переехали в квартиру моих родителей в Копенгагене, чтобы помогать моей матери. Ни она, ни Марва не работали, и я внезапно стал единственным кормильцем пяти человек. Остаться на службе в армии не хотелось, потому что в любой момент меня могли направить в одну из горячих точек. Я стал всюду искать работу на гражданке.

– И не нашел? – спросила Роза.

– А как ты думаешь? Я написал больше сотни резюме, но при наличии фамилии аль-Асади я не удостоился ни единого интервью. Вместо этого в «Кастеллете»⁶ я встретился с Йессом Бьорном. Так как я знаю много языков, он предложил мне работу под его руководством в армейской разведслужбе. Йесс был майором и работал в отделе Среднего Востока⁷, где появилась вакансия для говорящего по-арабски хорошего вояки вроде меня. Я знал: это могло означать направление на Средний Восток, где заправлял Саддам Хусейн со своим кошмарным режимом. Но Йесс заверил меня, что все под контролем. Никакой опасности. – Асад опустил взгляд. – Конечно, в действительности все было по-другому.

Он посмотрел на Карла.

– Чего я не ожидал, так это того, к чему мое военное поприще приведет меня, если мы окажемся в катастрофической ситуации... У моей матери обнаружился рак, она умерла за два дня до одиннадцатого сентября 2001 года, и с этого дня все в моей жизни покатило в тар-тарары.

– Почему? Что случилось? – спросил Гордон.

– Что случилось? Случились Task Force K-Bar, Task Group Ferret⁸ и операция «Анаконда».

– Это было в Афганистане, верно? – спросил Карл.

– В Афганистане, о да! Впервые в истории датский корпус подводников и спецназ принимали участие в боевых действиях. С января 2002 года эти два корпуса были частью международной коалиции. Я был там не только как переводчик, но и как спецназовец с автоматом под мышкой. И могу вам сказать, автоматом я пользовался очень часто. Через несколько месяцев я хорошо знал, что такое убивать и каково это – быть убитым. Я видел, как взрывом человека разрывало пополам, находил обезглавленные тела гражданских лиц и перебежчиков, участвовал в подавлении людей из «Талибана» и «Аль-Каиды», и при этом ни пославшие нас начальники, ни родные не знали, в каких незаконных действиях мы принимали участие.

– Ты мог бы отказаться, – сказала Роза.

Асад пожал плечами:

– Когда человек вроде меня бежит из страны Среднего Востока, он всегда потом мечтает увидеть этот район освобожденным от насилия и зла. «Талибан» и «Аль-Каида» выступали и до сих пор выступают за обратное. И, кроме этого, я ведь не знал, что меня ждет, и никто из нас этого не знал. К тому времени мне казалось, что я уже увидел много чего в жизни, ну что еще могло меня удивить? Как бы то ни было, это был хороший, надежный заработок.

⁶ «Кастеллете» – историческая крепость в Копенгагене, часть ее помещений используется военными.

⁷ Средний Восток включает весь Ближний Восток, а также Иран и Афганистан.

⁸ Названия группировок вооруженных сил западных стран в Афганистане.

– Сколько раз тебя посылали в Афганистан? – спросил Карл.

– Сколько раз? – Асад криво усмехнулся. – Только один раз, но зато это продолжалось пять месяцев, условия были ужасными, на тебе всегда тяжелый груз, постоянная жара, угроза со стороны местных жителей, о которых никогда не знаешь, на чьей они стороне. Такого не пожелаешь и злейшему врагу.

Он ненадолго остановился и задумался.

– Но оказалось, что может быть и хуже. И вот здесь вина полностью моя, – произнес он наконец.

12 Асад

– Если другие инспекторы не могут, так я, черт побери, выясню, где эти обезьяны прячут свое дерьмо, – сказал Асаду майор Йесс Бьорн как-то вечером после очередного жаркого дня, который ни на шаг не приблизил их к цели. Прошло несколько недель с того момента, как он был направлен в Ирак в качестве инспектора ООН по вооружениям и взял с собой Асада.

Он и все остальные инспекторы ООН были членами интернациональной группы, единственной целью которой было доказать правоту американского президента, убедившего не только себя, но и почти весь мир, что Саддам Хусейн спрятал в Ираке огромные запасы оружия массового уничтожения. Они ничего не нашли, и коллеги Йесса Бьорна в группе инспекторов начали уже сомневаться, смогут ли они достичь своей цели. В этот момент выступил их глава Ханс Бликс, который выразил недоверие к материалам, на основании которых американская разведка строила свои предположения, а точнее, домыслы. Но Йесс Бьорн не сомневался ни секунды.

– Люди Саддама хитрее достойного шведского дипломата, – объяснял он Асаду. – Ханс Бликс не понимает, что, как только иракцы видят приближение людей в форме ООН, они прячут то, что мы ищем. Как и ты не можешь поверить, что под песком пустынь есть адское количество бункеров с их адскими машинами и поганым вооружением.

Асад действительно не был в этом уверен. Те иракцы, которых они встречали, казались людьми вполне искренними. Инженеры и администраторы атомных центров были готовы дать самую точную информацию о запасах урана и других радиоактивных веществ, а также о целях их применения. Правда, на военных складах, которые они посетили, имелись колоссальные запасы обычного оружия, оставшегося после беспощадной войны с Ираном, но они не нашли никаких следов хоть чего-то, что нарушало бы Женевские соглашения. Несмотря на то что американцы были на сто процентов уверены в наличии в Ираке оружия массового уничтожения, где оно хранилось, никто не знал. А Саддам Хусейн, казалось, получал удовольствие от всего этого цирка и подливал масла в огонь какими-то загадочными высказываниями.

Были люди, которые задавались вопросом, имеет ли все это отношение к действительности, или же все эти предположения построены на песке. В число таких людей майор Йесс Бьорн не входил. «Разве нападение на Всемирный торговый центр не было реальностью? – спрашивал он себя. – И разве за всем этим не стояли люди со Среднего Востока? Так почему же эта поганая свинья Саддам Хусейн должен быть другим?»

С позиции здравого смысла такие выводы могли показаться поспешными. Но если заставить человека испугаться, то здравый смысл уже не будет иметь никакого значения. Именно на это опирались американский президент и его советники после одиннадцатого сентября 2001 года. Почва была унавожена для новых образов врагов, новых бизнес-проектов и в первую очередь для того, чтобы прикрыть, что администрация Буша прохлопала ситуацию на Среднем Востоке и это имело весьма негативные последствия для всего мира. Буш учел ситуацию, введя новые понятия и агрессивную риторику: «война с терроризмом» и «ось зла» – и тем самым ловко инспирировал общенародное желание увидеть армию в действии, одновременно парализуя оппозицию. И если после вторжения в Афганистан можно было обманом заставить мир поверить, что жестокий деспот Саддам Хусейн создал военную мощь, опирающуюся на оружие массового уничтожения, так что же еще оставалось, как не потребовать это оружие уничтожить?

Хотя Саддам все время увиливал, угрозой жестких санкций его заставили разрешить проведение инспекции военных организаций во всем Ираке. Это посеяло подозрение, будто Ирак располагает огромными запасами оружия массового уничтожения. Для рядового жителя Запада это было магическим словом, которое включало что угодно: атомное оружие, бомбы Судного дня, химическое и бактериологическое оружие. Информация об оружии базировалась на фактах, так было сказано. И разве мы не видели много раз, на что способен был этот ужасный диктатор? Одна только химическая атака в курдской Халабдже, где газом было отравлено не менее трех тысяч гражданских лиц, говорит сама за себя. Какую еще информацию вам надо?

Датский премьер-министр купился на эту риторику. Когда американский президент сообщил ему, что в Ираке есть оружие массового уничтожения, то – ладно, черт возьми, – оставалось лишь найти его и уничтожить при участии датчан.

Любой ценой.

С самого начала предполагалось, что Йёсс Бьорн, Асад и прочие служащие ООН низшего ранга будут проводить проверки и писать отчеты, даже если на это уйдет много времени. И когда семья Марвы в Фаллудже узнала, что ее муж будет находиться в Ираке, по-видимому, длительное время, родственники, не поставив Асада в известность, послали приглашение в Данию, чтобы Марва вместе дочками приехала в гости к ним в Ирак, в город на западе от Багдада, и показала им детей. Радость при встрече была огромной не в последнюю очередь потому, что, как оказалось, Марва с Асадом ожидают третьего ребенка. Правда, шли только первые месяцы беременности, но новость есть новость, особенно если она хорошая.

Марва своим приездом в Ирак хотела сделать Асаду сюрприз, и сюрприз удался. Вместе с дочерьми она вдруг появилась перед его палаткой. Сияя улыбками, готовая к его объятиям. Марва ждала, что муж закричит от радости: наконец-то они вместе стоят на родной земле, которая их породила!

Но у Асада никакой радости ее появление не вызвало. Ирак – жестокая страна, и никогда не знаешь, что принесет следующий день. Поэтому он попросил семью проститься с родственниками и немедленно отправиться в Данию. Но у Марвы были другие планы. Если Асад все равно находится в Ираке, почему бы им иногда не встречаться у родственников в Фаллудже? Почти все время их брака он куда-то уезжал, так зачем же упускать шанс и не воспользоваться предоставленной судьбой возможностью?

Асад был как масло в руках Марвы. Он любил ее, вместе с девочками она была для него той реальностью, ради которой он жил и дышал. Поэтому Асад уступил ее желанию, и это стало самой большой ошибкой в его жизни.

– Мы договорились встречаться раз в неделю, и так продолжалось в течение месяца. Но потом Йёсса Бьорна арестовала тайная полиция Саддама.

Асад посмотрел на Розу, Гордона и Карла и собрался продолжать свой рассказ.

– Ва-ау! Стоп! – сказал Карл. – Арестовала полиция? Он был инспектором по вооружениям, почему это не попало в прессу?

Асад пожал плечами. На самом деле история была некрасивая.

– Йёсс сделал одну глупость. Он снял форму ООН и стал посещать места, куда его не приглашали. Он подкупал работавших там. Взламывал двери, если была такая возможность. Фотографировал машины и станки в легальных мастерских и корректировал фотографии таким образом, что вид у них становился подозрительный.

– Ты принимал в этом участие? – спросила Роза.

Асад покачал головой:

– Нет, наоборот, я каждый раз отговаривал его, и в конце концов он стал уходить, не ставя меня в известность, что будет делать. Я знал, что он очень рискует, и однажды вечером он не вернулся.

– Они его арестовали?

– Да, и поместили в филиал номер один.

– Мерзкое место, верно? – вырвалось у Гордона.

Асад кивнул. Очень мерзкое место, он знал это лучше других.

Асад пошел к начальству и сообщил об аресте Йесса Бьорна. В ответ ему было сказано, что в сложившейся обстановке сделать ничего нельзя. Человек снял форму и занялся шпионажем, так что придется ему самому решать свои проблемы. Мольбы родственников подключить дипломатические рычаги, чтобы заставить иракцев отказаться от обвинений в шпионаже, результатов не дали. По правилам этой игры следовало махнуть на Йесса рукой, в противном случае провалилась бы вся операция ООН.

Асад знал, что они правы. Йесс сам отвечал за свои действия, а когда речь шла о шпионаже, саддамовские судьи редко проявляли милосердие. Но только после вынесения приговора, за неделю до того, как Йесса должны были казнить, серьезность ситуации дошла и до Йесса, и до Асада.

Опустив глаза, Асад рассказал, что накануне вынесения приговора приехал Ларс Бьорн, брат Йесса.

Он не стал терять времени даром. Трем неизвестным друг с другом иракским защитникам Ларс стал по очереди угрожать и слать проклятия, а в конце пообещал золотые горы, если они добьются освобождения его брата. Их реакция была однозначной: они презрительно смотрели на темные пятна пота у него под мышками и без экивоков заявляли, что форм подкупа, которые могли бы заставить адвокатов выступить против судейского корпуса Саддама, не существует. Они не желали стоять с петлей на шее рядом с поганым датским дураком. А знает ли он, сколько человек исчезло в анонимных могилах в пустыне и никто никогда не узнал, что с ними произошло?

По истечении двух дней бесполезных угроз и увещаний Ларс Бьорн понял, что ничего не добьется. Его брата выведут на эшафот, наденут на голову черный колпак, и он пролетит вниз через открывшийся люк с петлей на шее. Быстрая, но в то же время гарантированная смерть.

Всю ночь в номере Ларса Бьорна в гостинице горел свет, а на следующий день он позвал к себе Асада и изложил ему свой план.

– Мне не хотелось бы вмешивать тебя в это дело, Асад, но ты говоришь по-арабски, и ты опытный солдат. Если кто-то может освободить Йесса, то только ты.

Асад забеспокоился.

– Что это значит?

– Ты бывал в тюрьме, куда попал Йесс? Она расположена на западе от Багдада в направлении Фаллуджи, родного города твоей жены.

– Это Абу-Грейб? Я прекрасно знаю, где она расположена, Ларс. Но что мне там делать? Это ад на земле.

Когда Ларс Бьорн закуривал, его руки дрожали.

– Нет, это ее филиал, расположенный в нескольких километрах оттуда. Но, конечно, это тоже ад на земле. Человеческие законы там не действуют. Все, что там есть, – это пытки, насилие и страдание. За последние годы там казнили множество безвинных людей, и если ты туда попал, с тобой можно проститься. Что тебе там делать? Хороший вопрос. Тем не менее я попрошу тебя именно об этом. Ты должен помочь мне вызволить Йесса.

Асад посмотрел на него в упор, холодный пот бежал у него по спине. За кого его принимают, черт побери? За супермена?

– Ларс, в такие места люди не приходят добровольно. Как мы туда проникнем, и я уж не говорю о том, как мы его оттуда извлечем, чтобы они не заметили? Разве там нет солдат и охранников?

– Асад, мы не будем извлекать его незаметно. Нам нужно каким-то образом добиться, чтобы они сами его выпустили.

Асад закрыл глаза и представил себе эту тюрьму с массивными бетонными стенами и ключей проволокой. Этот человек потерял связь с действительностью, он сумасшедший.

– Я вижу, о чем ты думаешь, Асад. Но поверь мне, этот план вполне реальный. Мы должны внушить их службе безопасности, что Йесса можно использовать как средство для того, чтобы немедленно прекратить инспекцию вооружений. Я уже поговорил с судьей, который приговорил его, и получил добро при условии, что согласится сам Йесс.

– Ты хочешь сказать им, что Йесс шпионил с благословения ООН, так?

Бьорн кивнул:

– Да, и это скомпрометирует миссию ООН в такой степени, что ей придется прекратить инспекцию. Йесс будет лучшим оружием иракцев в этом маневре.

– Я понимаю, что ты изо всех сил пытаешься спасти своего брата, Ларс, но это ведь ложь. И она вскроется.

– Вскроется? Иракцам в высшей степени наплевать, правда это или ложь, если у них есть признание, которое они могут предъявить. Они уже обрабатывают его, говорит судья. Йесс – человек чертовски выносливый, но они избивали его до потери сознания, приводили в чувство холодной водой и избивали снова и снова. Они говорят, что он поддается и скоро скажет им все, что надо. В любом случае им уже известно, что он состоит в группе инспекторов вооружения. И произведет большое впечатление, когда он сделает заявление, что шпионить ему приказали его начальники, независимо от того, правда это или нет. Иракская разведка живет на лжи, Асад.

Асад представил себе этого гиганта. Он видел Йесса в одной жуткой драке в Литве и знал, что тот может переносить боль такой силы, которую не выдержит больше никто из известных ему людей. Неужели сутки избиений могли сломать его?

– Ларс, если Йесс сказал, кому он служит, значит они использовали самые изощренные формы пыток. Если его посадят перед камерой, то им придется ждать много дней, пока он что-то скажет. – Асада прошиб холодный пот при мысли, какими сатанинскими средствами они пользуются. – Может быть, его привяжут к стулу в закрытой комнате, добьются признания и казнят после этого. Кто им помешает сделать это, если он уже признался?

– Они этого не сделают. Асад, ты пойдешь со мной и спасешь его.

Волосы на голове Асада встали дыбом. Люди в иракских тюрьмах исчезали каждый день. Если кто-то туда попадал, то надо иметь что-то большее, чем просто везение, чтобы выбраться оттуда.

Ларс подтолкнул к нему план какого-то здания.

«Baghdad Correctional Facility, Annex 1, Abu Ghurayb Prison»⁹, – гласила надпись.

– Я не думаю, что Йесс пострадал в той степени, как они говорят и как ты опасаясь, потому что мне разрешили сегодня днем десять минут пообщаться с ним. Официально десять минут попрощаться с близкими дают всем приговоренным к смертной казни, но на самом деле большинство лишены этого права. Но только я пойду совсем не попрощаться с ним, а посвятить его в мой план.

Ларс показал на ряд маленьких камер внизу схемы.

⁹ «Исправительное учреждение Багдада, филиал 1, тюрьма Абу-Грейб» (англ.).

– Здесь сидят приговоренные к смертной казни. Их выводят, пытаются и, когда те рассказывают все, что надо тюремщикам, вешают или перерезают им горло. На незастроенных территориях позади здания находятся массовые захоронения. Бульдозеры вырывают глубокие рвы, там много места для новых трупов. Я прекрасно знаю, что там происходит.

Палец Ларса пополз к довольно большой площади в правой части схемы.

– На площади в этом углу мы будем очень близко от выхода. Вот здесь ты видишь проход, который ведет к выходу, единственному на территории тюрьмы.

Он показал на крестик, поставленный близко от выхода.

– Здесь на площади мы с тобой будем стоять. Когда его выведут из камеры смертников, то подойдут прямо к нам. Здесь расположена камера, и здесь Йесс произнесет свое признание. И чтобы подтвердить, что его никто не заставляет, я выйду перед камерой и спрошу его, не говорит ли он под принуждением. Он будет это отрицать. Так мы договорились с судьей. Потом мы выведем его за пределы тюрьмы, где ждет мой шофер, и уедем.

– Все это звучит очень заманчиво. Но если что-то пойдет не так?

– Тогда к работе приступаешь ты и обеспечиваешь, чтобы мы выбрались оттуда живыми. Ты знаешь язык и все время будешь внимательно слушать, чтобы мы вовремя отреагировали.

– Этого я не понимаю, Ларс. Нам не разрешат войти туда с оружием. Как же мы сможем защищаться?

– Асад, ты спецназовец. Если что-то пойдет не так, придется вспомнить, как можно отобрать оружие у других и вывести их из игры.

Асад вытер со лба пот и повернулся к Карлу со стиснутыми зубами. Ему стоило немалых усилий все это рассказать, и он чувствовал тяжелую усталость.

– Вот так это было. Ларс Бьорн был в отчаянии... Теперь мне надо отдохнуть, Карл. Ничего, если я схожу помолюсь и часок полежу?

13

Александр

День тринадцатый

Они попытались войти к нему.

Он слышал, как они шептались за дверью, потом увидел, как ручка двери стала медленно опускаться.

Но Александру было все равно, потому что он давно подготовился. Уже в первый день, забаррикадившись, он обдумал вопрос с дверями. Независимо от того, открываются они внутрь или наружу, они всегда создают проблемы для того, кто не желает, чтобы их открывали. В том числе и тогда, когда дверь запирается ключом, как сейчас, и ее нельзя распахнуть одним движением.

Дверь его комнаты открывалась в сторону коридора, и, если поддеть ее ломом, можно без проблем получить доступ внутрь. Но Александр лучше других знал, что его отец никогда в жизни не станет портить такую первоклассную дверь только из-за него, для этого он был слишком большим скрягой, и на сына ему было наплевать.

Александр очень хорошо помнил, с каким упоением и гордостью отец демонстрировал свое новоприобретение.

– Ты только посмотри на наш новый дом, сынок. Этот дом – образец подлинного мастерства. Массивные двери, оштукатуренные потолки, лестницы с балюстрадой ручной работы, полюбуйся! Никаких пластмассовых ручек и древесно-стружечных плит. Тут потрудились настоящие мастера, которые и могут, и хотят. Результат их работы – прекрасные уникальные вещи.

«И могут, и хотят» – это был лозунг его отца. Говоря о других людях, он делил их на категории в зависимости от того, «могут» ли они, или «хотят», или ни то ни другое. Те, кто, по его представлению, и не мог, и не хотел, были людьми низшего сорта, которым не место в той стране, где живет он сам.

Каждый раз за столом он демонстрировал свое презрение к таким людям. И когда однажды Александр крикнул, что лучше бы отец заткнулся и хоть как-то помог тем, кто не может и не хочет, вместо того чтобы хвалить самого себя, его отец дал ему первую в его жизни серьезную пощечину. Тогда ему было только тринадцать лет, потом были и другие пощечины, потому что скандалы в этом доме вспыхивали регулярно. И никто не должен был сомневаться, что отец предпочел бы любого другого нормального датского мальчишку в сыновья вместо Александра.

И вот теперь они жили в доме, построенном людьми, которые и могли, и хотели, почти сто лет тому назад. Хотя дверь нельзя было заблокировать изнутри, потому что она, вопреки правилам, открывалась наружу, эта самая дверь имела массивную латунную ручку, с которой не так легко было справиться.

Как раз эта ручка и стала гарантом покоя для Александра. Потому что вверху на потолке в комнате Александра его отец в короткий период увлечения благоустройством дома смонтировал стальной трос, на котором рядом висели галогеновые лампы. Трос натягивался специальным механизмом, но Александр давно сорвал его и привязал трос одним концом к дверной ручке, а другой конец обернул несколько раз вокруг чугунной батареи. Таким образом, дверь нельзя было открыть достаточно широко, чтобы войти. За десять секунд Александр мог размонтировать свой механизм, когда дом бывал пуст, и выйти. Поэтому, когда родители шептались за дверью, он только улыбался – проникнуть к нему в комнату они никак не могли.

– Мне очень хорошо, – кричал он. – Мне нужно еще несколько недель, и я выйду.

Поначалу это приводило к тому, что шепот прекращался, хотя это и было ложью, потому что Александру вовсе не было хорошо.

Во время сидения у компьютера за последнюю неделю он сделал несколько опрометчивых ходов и был отброшен назад настолько, что уже начал думать, не отказаться ли от идеи достичь результата в две тысячи сто семнадцать. Он ведь всего-навсего хотел продемонстрировать неизвестной женщине на стене то внимание, которого она и все другие умершие в море или на берегу заслужили. Когда придет час, он в точности расскажет в полиции, какую цель он преследовал, выйдет наружу и отрубит голову своим родителям, а потом на улице всем другим, кто окажется поблизости. И тогда никто и НИКОГДА не забудет это число и эту безвинную женщину.

Это было его целью.

– Возьми себя в руки, Александр, – сказал он сам себе и посмотрел на экран. – Ты все можешь. Будь молодцом, стреляй, убивай без пощады, ты просто очень устал за последние сутки. Войди в свой обычный ритм, и все будет хорошо.

За дверью опять раздался шорох.

– Это Эдди, твой друг, он стоит у двери, Александр, – крикнула мать. – Он хочет войти к тебе. Хочет поговорить с тобой.

Ну это же явная ложь. Во-первых, Эдди не был его другом, во-вторых, он не мог, случайно проходя мимо, захотеть поговорить с ним. Может быть, взять денег взаймы, чтобы потом никогда не вернуть, или, например, получить адреса хороших порносайтов, но только не для того, чтобы поговорить. Никогда в жизни.

– Эй, Эдди, привет, сколько тебе заплатили мои родители? – крикнул он в ответ. – Надеюсь, что много. Но если у тебя есть голова на плечах, катись отсюда вместе со своими деньгами, потому что я не желаю тебя видеть. Ни одной секунды. Прощай, Эдди.

Бедняга попытался отработать полученные деньги и крикнул в ответ, что соскучился по нему. Видимо, его хорошо проинструктировали.

– Только десять минут, Александр. – Голос его звучал более сипло, чем обычно.

Александр протянул руку к самурайскому мечу на стене и вынул его из ножен. Меч был невероятно острым. Этот дурак Эдди должен знать, что произойдет, если он тем или иным способом проникнет сюда. Его голова брякнется на пол, а стол, и стул, и ковер зальет кровью, которую сердце будет выкачивать из жил.

– Ну хотя бы пять минут, – продолжал бубнить идиот.

Александр не отвечал. Самое правильное – не отвечать. Люди становятся раздраженными, если их не замечают, а потом их парализует. «Молчание – лучшее оружие», – сказал кто-то. Этим всегда пользовались политики и только позже научились лгать.

Еще несколько минут мать и Эдди его увещевали, и наконец все звуки в коридоре стихли.

Александр вложил меч в ножны на стене и вернулся к игре. Оставалось еще сто пятьдесят ударов до достижения цели. В хороший день он наносил примерно пятнадцать ударов, в плохие – несколько штук. Но если вернется удача, а он приложит максимум усилий и как следует сосредоточится, то цели он достигнет за несколько недель. Весь вопрос был в наличии мотивации, и Александр прекрасно это знал.

Он нашел свой мобильник и номер, который в последние дни использовал так классно. У него не каждый раз это получалось, но сейчас не прошло и нескольких секунд, как он услышал голос, говоривший немного в нос.

– Ты опять звонишь? – произнес полицейский. – Скажи мне, как тебя зовут. Я не собираюсь разговаривать с тобой, пока не узнаю твоего имени.

«Смех да и только! Полицейский отказывается говорить с человеком, который сказал, что скоро будет крошить людей направо и налево. Он что же, думает, я дурак?»

– Ладно. Я звоню, чтобы сказать тебе, что не продвинулся так далеко, как собирался. Возможно, тебе придется подождать еще немного, пока я не достигну числа 2117, потому что двигаться мне тяжело. Меня все время убивают, я отхожу назад и теряю время. И тогда требуется заново набирать очки, понимаешь?

– В какую игру ты играешь? И почему тебе нужно дойти до числа 2117? Что означает это число?

– Ха-ха. Узнаешь, когда я дойду до него. И вот КОГДА я дойду до него, ты узнаешь, как меня зовут. Это я тебе гарантирую.

И он положил трубку.

14

Карл

– Ты знаешь еще что-то, кроме того, что Асад сейчас рассказал, Роза? – спросил Карл, когда Асад вышел помолиться и отдохнуть.

– Нет, ничего. Я впервые слышу большую часть истории.

– Я понял так, что ты пришла в управление полиции, потому что хочешь, чтобы мы помогли Асаду. Значит ли это, что ты возвращаешься к нам в отдел «Q»?

– По-твоему, у меня вид человека, который способен на это?

Взгляд Карла задержался на ее фигуре. Когда-то подтянутая и атлетически сложенная женщина стала пародией на саму себя. Вообще говоря, он был в шоке от бесформенной фигуры и вялых движений Розы. И прекрасно понимал, что за всем этим стоит.

– Ты хорошо выглядишь, – раздался сзади голос Гордона. – Конечно, ты на это способна, Роза.

Он что, уже пускает слюни только оттого, что она ему улыбнулась?

– Нам очень не хватало тебя и твоей головы, в меньшей степени твоих выкрутасов, Роза, но об этом вспоминать не стоит, – сказал Карл. – Чтобы разобраться в истории Асада, нам нужны люди, поэтому мы будем настаивать, чтобы ты вернулась. Выбор за тобой. Ты с нами или не с нами?

Неожиданно в коридоре раздался знакомый голос.

– Кто это с нами или не с нами? – В дверях появился Маркус Якобсен.

Он протянул руку Карлу и поздоровался с каждым, сияя улыбкой, которая предвещала хорошие новости.

– Как вы, верно, уже догадались, я совершаю обход отделов, чтобы всех вас лично поприветствовать. Это о тебе говорят, Роза?

Она с благоговением смотрела на него, забыв кивнуть. По непонятной причине у нее, похоже, была слабость к этому старику. Из-за его баса или больших рук? Кто поймет этих женщин!

Маркус наградил ее широкой улыбкой.

– Было бы хорошо для всех, если бы ты набралась сил и вернулась на работу. Я знаю, что тебе было тяжело все это время, так что, конечно, ты должна сначала все хорошенько обдумать.

Он повернулся к Карлу:

– Я начал обход с вашего отдела. Может быть, вы думаете, что я иду подряд с этажа на этаж, но это не так. Я сделал это намеренно, потому что считаю, что отдел «Q» проводит расследования эффективнее и успешнее всех других у нас в управлении полиции. Надеюсь, буду в состоянии не только поддержать вас, но и улучшить условия вашей работы. У меня есть небольшой подарок тебе, Карл, и Асаду, с которым ты работаешь в одной связке. – Маркус протянул Карлу две коробки.

Карл повертел их в руках. Это были суперсовременные часы, которые могут делать все что угодно. Черт, и как вообще обращаться с такой штуковиной? Он до сих пор не научился разбираться в кнопках телевизионного пульта, лежавшего на столике у кровати Моны. Может, прикажете почитать инструкцию? Он покачал головой. К черту, к черту, лучше он будет читать статью о правилах домашней уборки в Монголии. Хорошо, что у него есть Людвиг, который ему все объяснит, парнишка классно разбирается в таких вещах.

– Мм, спасибо, – сказал Карл. – Я думаю, что Асад уж точно будет очень доволен.

– В часы встроена система GPS, так что вы всегда сможете установить местонахождение друг друга. Ты мог бы, например, в точности определить место, где сейчас находится Асад?

– А эта система действительно точна?

Маркус Якобсен вопросительно посмотрел на Карла.

– Я спрашиваю, потому что сейчас он примерно в восьми метрах отсюда в своем, так сказать, кабинете, по другую сторону этого коридора.

Якобсен улыбнулся. Ларс Бьорн никогда не улыбался.

– Короче говоря, эти часы – высокая оценка вашего трудового вклада. И если у вас будут какие-то сложности, всегда обращайтесь ко мне, это вы должны знать.

Карл посмотрел на других и стал считать в голове секунды. Одна, две, три... На четвертой секунде заговорил Гордон.

– У меня есть проблема, – сказал он. – Мне постоянно звонит парень, который угрожает убить своих родителей и случайных прохожих на улице, когда дойдет до определенного числа в какой-то компьютерной игре. Я думаю, что он и в самом деле это сделает...

– Хорошо, что ты сказал!

– Он говорит по мобильнику, и у него одноразовые карты. Возможно, у него их много.

– Как долго это продолжается? – спросил Маркус.

– Несколько дней.

– С мобильными операторами связывались?

– Да. Парень говорит, к сожалению, только со мной и очень недолго. Он меняет карты мобильной связи и наверняка отключает мобильник, когда не разговаривает.

– И также наверняка у него захудалый старый телефон без GPS, – добавила Роза. – Так что всем нам надо очень много бегать, если мы хотим засечь его по передающим антеннам. И даже если удастся засечь, то не с точностью до десяти метров, как некоторым хотелось бы.

– Он говорит по-датски? – спросил Маркус, обращаясь к Гордону и полностью игнорируя завистливый взгляд Розы на коробки с часами.

– Да, и очень бегло, я сказал бы. Говорит как тинейджер или человек немного постарше.

– Почему ты так думаешь?

– Много модных словечек, но иногда проскальзывают выражения, характерные для людей более зрелых.

– Вот как?

– Однажды он сказал «умертвить» вместо «убить», «прикончить» или «шлепнуть».

– Гм. А как насчет местных особенностей?

– Как кто?

– Ну, можно предположить, например, что он говорит как те, кто живет в Рунгстеде или Гаммель-Хольте?

– Э-э-э, я бы не сказал. Но и не по-копенгагенски...

– И не так, как говорят на Фюне, или в Ютландии, или на Зеландии?

– Нет, в его речи нет признаков какого-то диалекта.

– Приготовься записать его в следующий раз, когда он будет звонить.

– Да-а... конечно, я так и делаю. Правда, записал всего один раз, и сказал он не так много.

– Не много – это тоже хорошо, Гордон.

Карл согласился. В полиции есть хорошие специалисты в области лингвистики и диалектов. Надо будет попробовать.

– В службу безопасности полиции обращались? – продолжил Маркус.

– Нет, пока не обращались. Но мы, конечно, собирались это сделать, – вмешался Карл.

– Почему этот парень звонит к вам, в отдел «Q», вы знаете?

– Нет, но я спрашивал его, – ответил Гордон.

На лице Маркуса обозначились лучики морщин вокруг глаз.

– Парень, конечно, читал про вас и знает, какие вы эффективные. Возможно, в действительности он хочет, чтобы его поймали до того, как будет слишком поздно.

Вау, удар прямо в точку, подумал Карл. Теперь уж Гордон не выпустит это дело из своих рук ни за какие коврижки.

Гордон почесал в затылке:

– А что еще мне надо делать, кроме как записывать разговоры?

– Обратиться в службу безопасности полиции, чтобы они тоже слушали эти разговоры.

Карл нахмурился. Какого черта, не хватало только, чтобы эти гиены прослушивали его телефон!

– Мы сами справимся, Маркус, – сказал он. – У нас свои методы для поимки идиотов.

Гордон хотел было возразить, но уловил блеск молний во взгляде Карла.

Карл сменил тему:

– У нас есть сейчас другое дело, Маркус, которое потребует много времени, несколько дней, а может быть, и больше.

И Маркус стал слушать Карла и Розу, которые по очереди пересказали то, что им поведал Асад.

Хотя начальник отдела убийств за свою профессиональную жизнь повидал немало, рассказ произвел на него гораздо более сильное впечатление, чем он ожидал.

– Боже милосердный! – сказал он и какое-то время сидел молча, переваривая услышанное. – Да, – сказал он наконец, глаза его блуждали. – Это, конечно, объясняет, кто такой Асад и почему Ларс Бьорн сделал все, чтобы дать ему другую биографию и работу, которая соответствовала бы его способностям. – Потом он обернулся к Карлу. – И он принял правильное решение, прислав его к тебе, Карл. Говорить о случайностях здесь не приходится.

– Покажи Маркусу газетные вырезки, Карл. Он будет знать, с чего все началось, – сказала Роза.

Карл пододвинул Маркусу пачку листков и показал фотографию женщины на верхней вырезке.

– Это Марва, жена Асада, а рядом стоит, конечно, одна из его дочерей.

Маркус вынул из нагрудного кармана очки для чтения.

– Фотография, как я вижу, сделана на Кипре несколько дней назад.

– Да, в Айя-Напе. Беженцы прибыли туда на лодке.

– А другие вырезки, о чем там говорится? – Он взял несколько штук и стал просматривать заголовки. – Вы их прочитали? – спросил он.

Карл покачал головой:

– Нет, я не успел. Но Роза всё прочитала, правда, Роза? – Он прищурился. – Она, понимаете, коллекционирует такие штуки.

По лицу Розы прошла тень. Вот черт. Неужели она способна еще смущаться из-за такой ерунды?

Девушка взяла самую нижнюю вырезку.

– Вот эта висела в моей спальне, там ее и увидел Асад. Это его практически парализовало.

Она сказала «в спальне»? Какого дьявола делал там Асад?

– Я сразу поняла, что случилось, – продолжила она. – Асад узнал утонувшую женщину. Она была для него кем-то вроде второй матери.

Все посмотрели на газетную вырезку. «Жертва 2117», – гласил заголовок.

– Что там написано?! – воскликнул Карл, а рядом, как громом пораженный, сидел Гордон с вытянутым от удивления лицом.

– Двадцать один семнадцать! – прошептал Гордон, собравшись с силами. – Это в точности тот номер, о котором говорил парень, что мне звонит. Когда он дойдет до него, то убьет отца и мать.

– Да, очевидно, парень читал эту статью... – после короткой паузы задумчиво сказал Маркус.

– Газеты всего мира вынесли этот заголовок на первую полосу, Маркус, – заметила Роза. Тот наморщил лоб.

– Когда он начал звонить тебе, Гордон? До или после этих заголовков?

Гордон посмотрел на дату в газете.

– Точно после. Через день или, скорее, через два.

– А парень мог знать о связи между утонувшей женщиной и Асадом, ну и косвенным образом, с отделом «Q»?

– Нет, это невозможно! – сказала Роза. – Асад впервые увидел фотографию вчера, это я точно могу подтвердить. Но эта статья об ужасах, что творятся с беженцами, которые гибнут в лодках, каждого может задеть за живое. Поэтому я и повесила ее на стену, – объяснила она.

– Понятно. Но парень отреагировал на нее уж больно необычно, как мне кажется. Даже если мне захочется, я не отрублю матери голову только потому, что она кошмарный человек, – пробурчал Карл.

Начальник отдела убийств задумался.

– Хорошо, Гордон. Когда парень позвонит в следующий раз, сообщи ему, что знаешь про фотографию с жертвой номер двадцать один семнадцать. Скажи, что ты понимаешь его волнение, попробуй его разговорить.

Гордон с беспокойством посмотрел на него. Справится ли он с таким поручением?

– И еще, Гордон, – продолжил начальник отдела. – Сходи-ка и позови сюда Асада, или Заида аль-Асади, если он теперь предпочитает называть себя так. И мне кажется, не надо рассказывать ему про парня и это число. Сделаете это потом. У него и так уже достаточно проблем, верно, Карл?

Карл кивнул и вспомнил, как Асад появился у него в подвале больше десяти лет тому назад, назвал себя Хафезом эль-Асадом, сирийским мигрантом, в зеленых резиновых перчатках и с ведром для мытья пола. Но в действительности он был, значит, Заидом аль-Асади, спецназовцем, офицером со знанием многих языков, иракцем, почти идеально владеющим датским языком. О господи, каким же классным артистом он был.

Они обернулись к двери, в которую вошел Асад со своей кучерявой шевелюрой. Глаза его были усталыми, с лопнувшими сосудиками, он кратко поздоровался с Маркусом Якобсеном и поздравил его с новым назначением. Потом тяжело сел и выслушал Карла, который сообщил ему о том, что они уже рассказали начальнику. А теперь он может продолжить, если ему есть что сообщить.

Асад откашлялся и закрыл глаза, и, только когда Роза положила ему руку на плечо, он стал говорить:

– Ларс Бьорн все-таки не смог в тот день встретиться с братом в тюрьме, как планировал. Это произошло лишь за два дня до казни. И когда он увидел его сидящего с закованными за спиной руками и лицом, которое было невозможно узнать, то понял, что иракцы выкачали из него все силы.

Асад поднял глаза и посмотрел прямо на Карла.

– Переносица у него была сломана, один глаз изуродован. Повсюду на теле были видны ссадины и синяки. Ногти черные. Ларс был в шоке. Им не разрешили говорить по-датски, и поэтому он не мог сразу посвятить Йесса в свой план. Но почему-то им дали больше десяти минут, и охранники вдруг ушли, по-видимому, таким был приказ.

Ларс говорил, что Йесс почти никак не отреагировал, выслушав его план. В какой-то момент Ларс решил, что Йесс скорее умрет, чем согласится предать миссию ООН. Но он вдруг расплакался. Это был конченный человек.

– Вот этого я понять не могу, – сказал Карл. – В чем проблема? После того как его отпустили бы, он рассказал бы прессе, что действовал по принуждению.

– Он был солдат, Карл, и тебе его не понять. Он был бы опозорен, понимаешь? В его мире...

– Нет, ни хрена не понимаю.

– Он знал, что иракцы объявят его опровержение ложью. Скажут, что силой вырвали у него правду, вот и все. И этого уже не изменишь.

– Но он же согласился с планом, так что же произошло на самом деле?

Асад наклонился вперед, словно у него скрутило живот. И продолжил.

15

Асад

На следующий день солнце пекло нещадно. Был суший ад, асфальт плавился, и все местные попрятались по домам. Такой жары Асад не помнил. Через две минуты, после того как они вышли из лобби гостиницы Ларса Бьорна, рубашки у обоих были насквозь мокрыми от пота.

Дорога в тюремный комплекс казалась бесконечной; старая бронемашина, которую нанял Ларс, превратилась в печку. Их выдавший виды шофер, ливанский наемный солдат, с которым Ларс был давно знаком, тоже обливался потом; пот тек ручьями у него даже по бороде.

Шофер припарковался в десяти метрах от бетонной стены, которая окружала тюремный комплекс, рядом с воротами, где стояло несколько неуютных солдат. Быстрый личный досмотр под громкие крики начальников вызвал у Асада приступ тошноты.

Два охранника провели их по проходу шириной в пять и длиной в двадцать метров от внешней до внутренней стены. Они вышли на открытую безлюдную площадь, которая с одной стороны была ограничена рядом примыкавших друг к другу бетонных зданий.

Откуда-то из глубины послышался крик какого-то заключенного «Аллах велик!», затем прозвучало несколько глухих ударов и наступила полная тишина.

Из-за жары воздух, казалось, плавился, а все стены вокруг площади вибрировали. Дышать было нечем.

Им приказали ждать и не двигаться, позади встали два солдата, у каждого на бедре висел автомат. Взгляд у них был настороженным и колючим. Хотя жара притупляла все чувства, не было никаких сомнений, что при любой неожиданности они мгновенно отреагируют.

Асад повернулся к Ларсу Бьорну; вид у того был жалкий, лицо опухшее, он часто дышал. В глазах Ларса сквозил неприкрытый страх.

Через десять минут несколько тюремщиков с обнаженным торсом притащили Йесса, брата Ларса, и бросили его на колени перед ними. Вслед за ними пришли двое мужчин в черных официальных костюмах, наверняка из тайной полиции Саддама, и, наконец, иракец в куртке из плотной ткани со здоровенной телекамерой в руках.

Тюремщики покинули площадь, люди в черном встали позади стоявшего на коленях Йесса, который с трудом держал голову, и несколько раз пнули его, пока он не поднял голову и не посмотрел прямо на своего брата. Взгляд у него был потерянным и полным отчаяния и страха. Невозможно было представить себе, что он сможет произнести признание, не обнаружив обмана.

Затем подошел оператор, который дал знак Ларсу Бьорну, чтобы тот встал между телекамерой и братом.

Асад отошел на несколько шагов и оказался ближе к солдатам, стоявшим сзади. Три больших шага, оценил он, не оглядываясь.

Перед ним лицом к камере стоял обливавшийся потом Ларс Бьорн. Он молчал и слегка покачивался из стороны в сторону. В мареве от жары над пыльной площадью, позади стоявшего на коленях Йесса Бьорна, не мигая замерли люди в черном. Солдаты прямо за Асадом были как роботы, готовые завершить представление по малейшему сигналу. Эту не самую приятную роль они выбрали добровольно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.